

BookLand

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Кольцов
Алексей Васильевич

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

КОЛЬЦОВ
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Алексей Васильевич Кольцов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сирота

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
От бездомной сироты!

Что ж вы, злые, что вы вьетесь
Над усталой головой?
Что вы с ветром не несетесь
В край неведомый, чужой?

Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда изменила;
Радость — сон в судьбе моей.

Наяву же — в облегченье
Только слезы проливать,
И не верить в обольщенье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте ж, не маните,
Светлой радости мечты!
Унесите, улетите
От бездомной сироты!

Ровеснику

О чем, ровесник молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чем серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чем бессменная печаль
И частые стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И с юностью прощанье?
Или нежданная беда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Так рано посетила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла в нем желанья
И юным пламенем вся кровь
Зажглась без упованья?
Я вижу думу на челе,
Без слов, без выраженья;
Но есть во взорах, как в стекле,
Востока отраженье —
Заметное волненье.
Ах, то любовь, любовь!.. Она
В твоей душе играет;
Она в пиру, на ложе сна
Покой твой разрушает.
Я отгадал. Дай руку мне!
Ты не один, кипя душою,
Горишь и гаснешь в тишине:
Прошу тебя, будь друг со мною.

Если встречусь с тобой

Песня

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется во груди.

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчужден и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
А восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева — радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

Путник

Сгустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит;
Как черный полог, ночь висит,
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажжен случайною рукою,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плетусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню.
И кто так пристально средь ночи
Вперял на деву страстны очи,
Кто, не смыкая зорких глаз,
Кто так стерег условный час,
Как я, с походною торбою,
Трясаясь на кляче чуть живой,
Встречал огонь во тьме ночной?
То наш очаг горит звездою,
То спеет каша степняка
Под песнь родную чумака!..

Осень

Настала осень; непогоды
Несутся в тучах от морей;
Угрюмееет лицо природы,
Не весел вид нагих полей;
Леса оделись синей тьмою,
Туман гуляет над землею
И омрачает свет очей.
Всё умирает, охладело;
Пространство дали почернело;
Нахмурил брови белый день;
Дожди бессменные полились;
К людям в соседки поселились
Тоска и сон, хандра и лень.
Так точно немочь старца скучна;
Так точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

Послание молодой вдове

Напрасно думаешь слезами
Тоску от сердца ты прогнать:
Всевышним богом — не людьми
Тебе назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Расстаться с тем, что так любимо;
Что мило — больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Так, верно, верно: ты несчастна;
Твоей души супруг прекрасный
Так скоро отказался жить.
Он жертва смерти, он зарыт.
Но что? ужель весну младую
Слезам ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
В тоске ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудет памятна всегда?
Ужель, что было, забывая,
Не улыбнешься? милая! слезами
Тоски от сердца не прогнать:
Всевышним богом, а не нами
Тебе положено страдать.

Размолвка

Теперь ясней
Уж вижу я,
Что огонь любви
Давно потух
В груди твоей.
Но что виной,
Могу ли знать?
Бывало, ты —
Совсем не та!
А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незванный гость,
Долой с двора!
Немилый друг,
Не знай меня!
Ах, рад не рад —
Пришлось и мне
Сказать с слезой:
Прости-прощай,
Любезный друг
И недруг мой!

Спящий юноша

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Еще не знает он, что скука,
Что беспредельная любовь,
И как тяжка любви резлука,
И как хладеет в сердце кровь;
Не знает жизненной заботы,
Тяжелых снов и страшных бед,
И мира гибельных сует,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства света и людей,
Надежд, желаний и страстей.
Теперь он резвится, играет,
Незрелый ум мечтой питает.
Во сне испуг его не будит,
Нужда до солнца встать не нудит,
Печаль у ложа не стоит, —
Священным сном невинность спит...
Но эти дни как тень проходят,
Прекрасный мир с собой уводят...

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Прекрасной поселянке

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И в ком чудесная мечта
Груди б молодой не взволновала,
Когда б ты на скале крутой,
Одна, над бездною морской,
Как дева Пушкина, стояла
Под белым флагом покрывала?..
И вокруг тебя одеждой снежной
Зефир приветливо б играл;
По сгибу плеч, по шее нежной
Свитые кудри развивал?..
Когда б, качаяся, дремало
Перо на шляпке голубой;
И грудь лебяжия вздыхала
Любовью девственной, святой?..
Тогда б, в сердечном упоеньи
Склонив колена пред тобой,
В избытке чувства, в исступленьи,
Сгорел бы весь, как огонь степной!..

Ночлег чумаков

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной.
В степи и пасмурно и темно:
Ни звезд блестящих, ни луны
На небе нет; и тишины
Ночной никто не нарушает;
Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звеня над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
На тагане котел висит;
Чумак раздетый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит.
За табором невядалеке
Волы усталые пасутся;
Они никем не стерегутся.

Беспечно пред огнем в кружке
Хохлы чумадые, седые,
С усами хлопцы молодые,
Простершись на траве лежат
И вдаль невесело глядят.
Чем чумаков прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
Чем ныне так развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я с ними время разделял
И помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,

И тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украины вольные сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

Я был у ней; она сказала...

Я был у ней; она сказала:
«Люблю тебя, мой милый друг!»
Но эту тайну от подруг
Хранить мне строго завещала.

Я был у ней; на прелесть злата
Клялась меня не променять;
Ко мне лишь страстию пылать,
Меня любить, любить, как брата.

Я был у ней; я с уст прелестной
Счастливое забвенье пил
И все земное позабыл
У девичьей груди прелестной.

Я был у ней; я вечно буду
С ее душой душою жить;
Пускай она мне изменит —
Но я изменником не буду.

Плач

На что мне, боже сильный,
Дал смысл и бытие,
Когда в стране изгнанья
Любви и братства нет;
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят;
И черные туманы
Скрывают правды свет.
Я думал: в мире люди
Как ангелы живут,
Я думал, в тайных мыслях
Один у них закон:
К тебе, царю небесный,
Любовью пламенеть,
И ближе им неимущим
Без ропота души
Последнюю копейку,
Как братьям, уделять.
А люди — те же звери:
И холодны, и злы;
Мишурное величье —
Молебный их кумир,
А золото и низость —
Защитник их и бог.
И ты, отец небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них.
О, просвети мне мысли,
Нерадостны они,
И мудрости светильник
Зажги в моей душе.

Ответ на вопрос о моей жизни

Вся жизнь моя — как сине море,
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.
Уступят ветры — и оно
Сровняется, как полотно.
Иной порою, в дни ненастья,
Все в мире душу тяготит;
Порою улыбнется счастье,
Ответно жизнь заговорит;
Со всех сторон печаль порю
Нависнет тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа в то время холодна;
То мигом ясная година
Опять настанет — и душа
Пьет радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Как вод волшебное стекло, —
И горя будто не было...

Исступление

Увижу ль, увижу ль
Красавицу я, —
Занает, забьется
Сердечко в груди.

Посмею, могу ли
В сей жизни хоть раз
Я милую эту
Своею назвать?

На груди лилейной
В объятьях любви,
Забывшись, навек бы
Счастливец уснул.

Скажите: пред нею
Что можно сравнить?
Прелестные очи,
Как звезды, горят.

По щечкам разлился
Румянец зари;
А кудри?.. а брови?..
Сравненья им нет!

Как майское утро
Улыбка ее;
Как живо, как стройно
Созвучье речей.

Ах, если бы, к счастью,
Я был чародей:
Неволей иль волей
Была бы моей.

Ничто, ничто на свете

Ничто, ничто на свете
Меня не веселит
С тех пор, как я расстался
С подругой навсегда;
С тех пор, взгляну ль на юных,
Играющих девиц,
Вздохну, и горьки слезы
Польются из очей.
Они, кружась, резвятся,
Как ласточки весной,
Моим слезам смеются
С улыбкою любви.
Красавицы молодые,
И я здесь счастлив был,
И я в пирах веселых
Шутил, подобно вам.
Но рано рок суровый
Сказал: расстанься с ней.
С тех пор уж не встречаю
Я радости нигде.

Послание В. Г. О.

Служил я прежде Лизе скромной,
Служил, как долгу гренадир,
Как Дафне добренький сатир.
И чтоб она была довольной,
Я все намеки и желанья
Любил немедля выполнять.
Но наконец без воздаянья
Мечтам был должен отказать.
Я ждал еще, я ждал чего-то,
Надежда мне сулила что-то;
Надежда скрылась — я забыт,
Как дряхлый, старый инвалид.
Но ты, соперница Венеры,
Мои мечты, мои химеры
Желаньем оживила вновь;
И в сердце чистом, непорочном,
Как солнце — в янтаре восточном,
Зажгла безгрешную любовь.
Отныне прошу, друг новый, нежный,
Царицей будь души моей,
Будь гений добрый и надежный
Моих во мгле текущих дней.
И я в свободные мгновенья,
Желаньям вашим в угожденье,
Раз пять в неделю буду рад
По вкусу дамскому для чтенья
Романов лучших присылать.
А может быть, тебе, мой гений,
Моих неловких песнопений
Когда-нибудь пришлю тетрадь.
Но вы, вы спросите: награда
Велика ль, вольный трубадур?
Червонной пыли мне не надо.
Букет цветов да два-три взгляда —

И я доволен чересчур.

27 апреля 1829

Престарелый казак

Зачем так скоро скрылась ты,
Казачья юность удалая?
О жизнь залетная, другая,
Где ты теперь, где ты?
Бывало, смелая рука
Сверкнуть булатом не робела,
И в буйной груди казака
Отвага бурная горела
Неугасаемым огнем.
Без страха, робости, — с мечом
Я в огонь и полымя бросался,
С отрядом целым я встречался,
Нещадно всех рубил, колол,
Для всех с собою смерть я вел.
Бывало, чуждые дружины
Едва лицо мое зазрят, —
Уже валятся ряд на ряд
На лоно стонущей долины.
Теперь уж нет могучих сил!
Осьмой десяток мне пробил.
В мой угол старость заглянула
И старость принесла с собой.
Теперь трепещущей рукой
Я смерть лениво отгоняю
И умереть скорей желаю.
Как после сечи, после драки,
Бывало, ждал донец венца,
Так нын в курене бурлака
Он ждет последнего конца.
Ах! лучше б с именем героя
В дыму, в огне, средь пуль и боя
Врагу насунуться на меч
И на долине чести лечь,
Чем здесь в безвестности постылой

Томиться над своей могилой.

На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу

Что груди тяжелше?
Что сердцу больнее?
Что конь мой удалый
Споткнулся не раз?
Иль заяц трусливый
Мой путь перебег?
Уж видны мне кровли
Родных и друзей
И храма святого
Сияющий крест.
О чем же ты грустном
Пророчишь, душа?
Уж обнял с восторгом
Счастливец семью.
Но где ж, о родные,
Бесценный мой друг?
Он отбыл надолго
В низовы края...
Недаром же конь мой
Споткнулся не раз,
Недаром же сердце
Вещало печаль!..
Когда ж возвратишься
В родную страну?
Дождусь ли в уныньи
Тебя, друг, назад?

К М.

Вы милы всем, вы очень скромны;
Не спорю я, ваш кроток нрав,
Но я узнал, что он притворный,
Что он с природы так лукав.
В вас нет капризов, нет и чванства,
Но только много шарлатанства;
К тому ж ваш вежливый язык
И уверять и льстить привык.
К свиданьям тайным вы согласны,
Но те свиданья мне опасны,
Затем что в них сокрыт обман
Иль вновь затеянный роман.
В веселый час вы мне твердите:
«Забудьте прежнее — любите!» —
Да как, скажите, вас любить,
Как непорочность обольстить?
О нет, такие мне оковы
Немилы, как венок терновый,
Притом же хладная любовь
В объятиях застудит кровь.
Сказать велите ль откровенно:
Вовек такой, как вы, презренной,
Затем не соглашусь любить,
Чтобы осмеянным не быть.

А. Д. Вельяминову

Милостивый государь Александр Дмитриевич!

В селе, при первой встрече нашей,
Для вас и для супруги вашей
Я, помню, обещал прислать
Торквата милое творенье,
Певца любви и вдохновенья;
И слова данного сдержать
Не мог доньинь, затем что прежде
Обманут был в своей надежде.

Но обещаенью изменить
За стыд, за низость я считаю —
И вот, успел лишь получить
Две книги, вам их посылаю.
Мне лестно вам угодным быть.
Так — незначительный мечтатель —
Я вашим мнением дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекрасного...

К М...

Подобных Маше очень мало
И в мире равных не бывало:
Лицо, движенья, речь и взгляд
Стальное сердце распалят.
Любить ее и я бы рад,
Когда б в груди не крылось жало,
Когда б в любви ее — не яд.

К подруге моей юности

Зачем ты, дева, не желаешь
Со мною быть наедине?
Скажи, скажи: зачем при мне
Ты так робеешь, так скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебе кажусь я страшен?
О, верь мне, верь: я не опасен!
Я весь перед тобой открыт,
И в сердце лишь любовь горит.
Ты помнишь, друг мой, с юных лет
С тобою мы росли, резвились,
И что на мысли не придет,
Мы всем доверчиво делились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дева, презираешь,
И средь людей, и одному
Невинных чувств не доверяешь.
Оставь, красавица, свой стыд,
Не будь ко мне ты равнодушна;
Будь так, как прежде, простодушна,
Как прежде, будем братски жить.

Очи, очи голубые

Песня

Очи, очи голубые,
Мне вас боле не встречать!
Девы, девы молодые,
Вам меня уж не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
В сердце опытном слилися
Лишь отзывы старины.

Ах, на что же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостные были,
Ласки юной красоты?

Мне ль приветливым казаться,
С хладным сердцем вновь любить?
Мне ль надеждой обольщаться?
Беспробудно друг мой спит...

Увижу ль я девушку

Песня

Увижу ль я девушку,
Увижу ль я красную —
Забьется неволею
Сердечко удалое
Любовью сердечною.

«Полюбишь ли, девушка,
Полюбишь ли, красная,
Без модной учтивости
Любовию верною
Удалова молодца?»

Ах, что же ты, девушка,
Ах, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намерена
Удалова молодца?» —

«Любила б я молодца,
Любила б удалова;
Но мне ли, сироточке,
Бескровной и бедненькой,
Ласкаться любовию?»

Желаю ль я, девушка,
Желаю ль я, красная,
Палат раззолоченных,
Искусством украшенных,
И блесков обманчивых?» —

«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характер добренький,

За стыдливость детскую,
Всем девицам сродную».

Терем

Там, где терем тот стоит,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
В благовонный май прекрасный!

Чем же терем этот мил?
Чем меня он так пленил?
Он не пышный, он не новый,
Он бревенчатый — дубовый!

Ах, в том тереме простом
Есть с раскрашенным окном
Разубранная светлица!
В ней живет душа-девица.

Как-то встретился я с ней —
Не свожу с тех пор очей;
Красна ж девица не знает,
По ком грудь моя вздыхает.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженым не я —
Тот богатый, я без хаты —
Целый мир мои палаты!

Вещун-сердце говорит:
«Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
С чужой-дальней стороною...»

Люди добрые, скажите

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

Маленькому брату

Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом вышнего творца,
На груди матушки родимой,
В объятьях нежного отца.
Будь добродетелен душою,
Велик и знатен простотою;
На сцену света ты взойдешь
Любимцем ли слепой фортуны,
Или, как я, полюбишь струны
И посох бедный понесешь, —
В высоком звании пред бедным
Счастливой долей не гордись!
Но с ним — чем бог послал — последним,
Как с родным братом поделись.
Суму дадут, — не спорь с судьбою;
У бога мы равны; пред ним
Смирися с детской простотою —
И с сердца грусть слетит, как дым.
Пробудишь струны, — пой без лести!
Будь неподкупен в деле чести;
Люби творца, своих владык
И будь в ничтожестве велик.

Письмо к Д. А. Кашкину

Давно, за суетой бессрочной,
К тебе я, милый, не писал
И в тихий край земли полночной
Докучных строк не посылал;
Давно на лире я для друга
В часы свободы и досуга
Сердечных чувств не изливал.
Теперь, освободясь душою
От непрерывных бурь мирских
И от забот и дел моих,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый друг! И ты,
Взамену хладной пустоты,
С улыбкой, дружеству пристойной,
Глас лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудов — виновник я!»
Так точно, друг, мечты молодые,
И незавидливый фиал,
И чувств волнение ты впервые
Во мне, как ангел, разгадал,
Ты, помнишь, раз сказал: «Рассей
С души туман непросвященья
И на крылах воображенья
Лети к Парнасу поскорей!»
Совету милого послушный,
Я дух изящностью питал;
Потом, с подругою воздушной
Нашедши лиру, петь начал;
Потом в час лени молчаливой
Я рано полюбил покой,
Приют избушки некрасивой
И разноцветный садик мой,
Где я свободой упиваюсь

Иль славой гибельной горю,
Где долго в думы погружаюсь
И, друг, тебя благодарю
За те нельстивые советы,
Какими хвалятся поэты.

Сестре

При посылке стихов

Сестра! Вот были чудных снов,
Вот звуки самодельной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы ж кто знает назначенье?
Быть может, раньше я других
Не окажусь в семье живых.
Пройдёт год-два, — за суетою,
За лживой радостью мирскою
Забудешь ты меня; но вмиг
Когда-нибудь прочтёшь мой стих,
Вспомянешь брата — и вздохнёшь,
И сладких слёз поток прольёшь.

Пишу не для мгновенной славы

Пишу не для мгновенной славы —
Для развлечения, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Мещанская любовь

Итак, вчерашний разговор
Свершил нежданный приговор.
Не нужны тёмные намёки,
Ни ясный, ни лукавый взор,
Где в честь за поцелуй — упрёки,
За ласки — дерзостный укор,
За шутку скромную — презренье
Платить обратно в награждение
И доводить враждой до слёз.
Что взгляд последний произнёс?
Вы думали, меня смутите?
Нет, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить — любите,
А нет — прощайте! Что вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новых благ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презренного скорей;
А я найду, поверь, другую
Себе красавку городскую,
Тебя моложе и милей.

А. Н. Сребрянскому

Не посуди: чем я богат,
Последним поделиться рад;
Вот мой досуг; в нём ум твой строгий
Найдёт ошибок слишком много;
Здесь каждый стих, чай, грешный бред.
Что ж делать: я такой поэт,
Что на Руси смешнее нет!
Но не щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки...
Когда б свобода, время, чин,
Когда б, примерно, господин
Я был такой, что б только с трубкой
Сидеть день целый и зевать,
Роскошно жить, беспечно спать, —
Тогда, клянусь тебе, не шуткой
Я б вышел в люди, вышел в свет.
Теперь я сам собой поэт,
Теперь мой гений... Но довольно!
Душа грустит моя невольно.
Я чувствую, мой милый друг,
С издетских лет какой-то дух
Владеет ею ненапрасно!
Нет! я не даром сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

Приди ко мне

Приди ко мне, когда зефир
Колышет рощами лениво,
Когда и луг и степь — весь мир
Оденется в покров сонливый.

Приди ко мне, когда луна
Из облак в облака ныряет
Иль с неба чистого она
Так пышно воды озлащает.

Приди ко мне, когда весь я
В любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпеливо дожидаясь.

Приди ко мне, когда любовь
Восторги пылкие рождает,
Когда моя младая кровь
Кипит, волнуется, играет.

Приди ко мне; вдвойне с тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу к твоей груди молодой
Со всею страсти, прижаться...

По-над Доном сад цветёт

По-над Доном сад цветёт,
Во саду дорожка;
На неё б я всё глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу всё её
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкий миг мой возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

Разуверение

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мне книги и мечты;
Её недаром заклеямили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встречая
И утро дня благословляя,
Я в мире всё благословлял...
Дитя! я ласки расточал,
Я постирал мои объятия
Ко всем с любовью, как братьям!
Пришла пора, узнал и я
Совсем не то, что прежде снилось,
Чем сердце юное пленилось,
О чём так сладко думал я...
Узнал родных, к родству холодных;
В друзьях — предателей притворных;
В толпах людей — толпы невежд;
Обманчивость земных надежд;
В обетах — лживые обманы;
В невинном взгляде — льстивый взор;
В умах возвышенных — туманы,
Надутой глупости позор...
Бог с ними! Я страну земную
С упрёком тайным разлюбил;
Душой постигнул жизнь другую,
В ту жизнь мечты переселил
И странствую без дальних нужд,
Земли жилец, земнова чужд.

Не мне внимать напев волшебный

Не мне внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья;
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья.

Прошла пора! Но в дни былые
Я слушал Филомены глас;
Тогда-то в сумраки густые
Веселья огонь во мне не гас.

Тогда с Анютой милой, нежной
Часов полёта не видал;
Тогда, надеждой обольщённый,
Я праздник жизни пировал.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной боле нет...
С другим она... и я с тоскою
Встречаю дня огнистый свет.

Так мне ль внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья?
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья...

Мщение

(Отрывок)

Скажи: какие возраженья
Рассеют новые сомненья,
Какую снова хочешь лесть
В защиту чести произнести?
Молчи, и слов не трать напрасно;
Я знаю всё — и знаю ясно,
Когда... и где... и как... кто он...
Но ты, ты скажешь: это сон
Развил неверное виденье,
Чтоб поселить меж нас сомненье...
Напротив, слушай — я скажу.
Вчера бьёт полночь, я лежу,
Не сплю, но спящим притворился
И чутким сном как бы забылся;
Вдруг слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевели,
Тихонько встала — и потом
Исчезла в сумраке ночном;
Я встал, гляжу: тебя уж нет.
Схватил кинжал, пустился вслед.
Но я не видел, как ты с ним
Дышала воздухом одним
И как в объятьях ты его
Пылала, млела и сгорала,
Как жарко друга своего
При расставаньи целовала...
Забывши страх, закон, себя,
Кровавым мщением горя,
Ужасным гневом пламенея,
Бегу... Нечаянно злодея,
Как тень могильную, схватил
И в грудь кинжал ему вонзил...
Где вы, любви моей мечты?

И кто довёл?.. Теперь и ты
Страшись меня, как грешник ада;
Не то — подобная награда!..

Песнь русалки

Давайте, подруги,
Весёлой толпой
Мы выйдем сегодня
На берег крутой

И песню громкой
Луга огласим,
Леса молчаливы
И даль усыпим.

Нарвём мы цветочков,
Венки мы сплетём,
Любимую песню
Царицы споём;

А с утром, подруги,
Одна за другой
Сокроемся в волны
Падучей звездой.

Повесть моей любви

Посвящаю воронежским девушкам

Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство,
Таинство чудесное.
И у нас в Воронеже
Никому до этих пор
Не хотел открыть его;
Но для вас, для вас одних
Я его поведаю
И так, как по грамотке,
Как хитрец по карточкам,
Расскажу по-дружески
Повесть о самом себе.
Скучно и нерадостно
Я провёл век юности:
В суетных занятиях
Не видал я красных дней;
Жил в степях с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкой
Один горе мыкивал.
От дождя в шалашике
Находил убежище,
Дикарём, степникою
Я в Воронеж езживал
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми советами.
И в таких занятиях
Мне пробило двадцать лет.

Но, клянусь вам совестью,
Я ещё не знал любви.
В городах все девушки
Как-то мне не нравились,
В слободах, в селениях
Всеми брезгал-гребовал.
Раз один в Воронеже —
Где, не помню — встретила
Со мной одна девушка,
Смазливеньким личиком,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдруг сердечко пылкое
Зажглось, расколилось,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не в силах был
Удержать порыв страстей —
И в её объятиях
Уснул очарованный,
Упившись любовью;
И с тех пор той девушки
Стал я вечным пленником.
Но нет, вовек не возвратить,
Что было так душой любимо!
Вовек и тень с страны незримой
К призывам друга не слетит.
О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы из очей!
Без ней нет жизни меж людьми —
Нет сердцу радости без ней.

26 мая 1830
Лебедев

Триолет

Прошу: оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.
В душе нет прежнего огня,
Прошу: оставьте вы меня.
Не зная вас, был весел я;
Узнал вас — радость улетела.
Прошу: оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.

4 июля 1830

К другу

Развеселись, забудь что было!
Чего уж нет — не будет вновь!
Все ль нам на свете изменило?
И все ль взяла с собой любовь?
Еще отрад у жизни много,
У ней мы снова погостим:
С одним развел нас опыт строгий,
Поладим, может быть другим!
И что мы в жизни потеряли,
У жизни снова мы найдем!
Что нам мгновенные печали?
Мы ль их с тобою не снесем?
Что грусть земли, ужель за гробом
Ни жизни, ни награды нет?
Ужели там, за синим сводом,
Ничтожество и тьма живет?
Ах, нет! кто мучится душою,
Кто в мире заживо умрет,
Тот там, за дальней синевою,
Награды верные найдет!
Не верь истления кумиру,
Не верь себе, не верь людям,
Не верь пророчащему миру,
Но веруй, веруй небесам!
И пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит,
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит и страшит, —
Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я;
Могильной тенью в прах низринусь
Но скорби не отдам себя!..

К N...

Опять тоску, опять любовь
В моей душе ты заронила
И прежнее, бывшее вновь
Приветным взором оживила.
Ах! для чего мне пламенеть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткий ангел, друг мой нежный,
Не мой удел тобой владеть!
Но я любим, любим тобою!
О, для чего же нам судьбою
Здесь не даны в удел благой,
Назло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнем любви святым,
Доверься ж, хоть на миг моим
Объятиям! Я не нарушу
Священных клятв — их грудь хранит,
И верь, страдальческую душу
Преступное не тяготит...

19 июля 1830

В альбом N. N.

Что мне, скажите, написать
В альбом для милой девы?
Напрасный труд! Мои напевы
Едва ль прекрасную пленят;
Притом, что ей сказать, о чем?
Хвалить ее напрасно —
Она, как день прекрасна,
Как серафим без крыл, мила, —
То, что перед нею похвала!

24 июля 1830

Послание Н... П...

И вы на нас грозой хотите?
И вы, и вы кинжал острите
Отцу на старческую грудь!
Накажет бог когда-нибудь!
Припомните, что прежде были.
Притом не вы ль мне говорили:
«Я б мог давно — но не хочу;
Нет, я и извергу не мщу,
Нет, я не с варварской душою, —
За зло плачу я добротою».
Враги ль мы вам? Пусть бог сразит,
Кто черный замысел таит!
Злодеи ль мы? За что хотите
Полуубитого добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинных ранить, — даже сродно...
Но тот не человек — злодей!
Вы ж покровитель, друг людей, —
Держите ж слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцы на старческую грудь:
Ей время в жизни отдохнуть.

25 июля 1830

Неизменимость

Мой друг, любовь нас соединяет,
А невозможность разлучает;
Иль на роду уж дано мне
Любить любезную во сне?
А наяву — в тоске, в мученьи
С тобою быть, подле сидеть
И лобызать тебя не сметь;
И в ожиданьи и в сомненьи
И дни и ночи проводить!..
Мы хотим время улучшить,
Где можно б было мне прижаться
К трепещущей груди твоей,
На снег ланит, на огонь очей
Где б мог глядеть и любоваться.
Но, нет! Подглядливые очи
И тут и там, везде следят;
И днем, и в час глухой полночи
Они нас, друг мой, сторожат.
И как укрыться нам от взора
Недоброхотливых людей?
Как неизбежного дозора
Нам избежать во тьме ночей?
И как завистников тиранов
Иль отклонить, иль обмануть?
Какою силой талисманов
Их очи зоркие сомкнуть?
Но друг, пускай они глядят
На нас; за нами замечают,
Любить друг друга запрещают;
Пусть делают что, как хотят
Но мы друг другу верны оба
Любовь моя, твоя — до гроба!
То что они, что их дозор,
Что нам упрек, что нам позор?

Мы стерпим все: и хоть украдкой,
Хоть мыслью, хоть надеждой сладкой.

...

А все не запретят любить,
Земные радости делить.

28 июля 1830

Элегия

В твои объятия, гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Сокрыться от людей хочу.
Скорее, смерть, сверкни косою
Над юною моей главою!
Немного лет я в мире жил...
И чем сей мир повеселил?
И кто с улыбкой мне отрадной
От сердца руку нежно жал?
Со мной кто радостью желанной
Делил веселье и печаль?
Никто! Но в сей стране пустынной
Один лишь был мне верен друг,
И тот, как песни звук отзывный,
Как огонь мгновенный, надмогильный,
На утренней заре потух.
Одна звезда меня пленяла
Еще на небе голубом
И в черном сумраке густом
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — с тех пор
Приветных звезд не видит взор.
Без ней, как сирота безродный,
Влачусь один в толпе людей,
С душою мрачной и холодной,
Как нераскаянный злодей.
С людьми, братьями моими,
Еще хотел я жизнь делить;
По-прежнему хотел меж ними
Я друга по сердцу найти.
Но люди взорами немymi
С презреньем на меня глядят
И душу хладную мертвят.

К тебе от них, о гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Покоя тихого ищу.
О смерть! сомкни скорей мне вежды!
Верни загробные надежды.

30 июля 1830

Суму, кусок последний хлеба

Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего — и прав!
Не он! — Но только тот блажен,
Но тот счастлив и тот почетен,
Кого природа одарила
Душой, и чувством, и умом,
Кого фортуна наградила
Любовью — истинным добром.
Всегда пред богом он с слезою
Молитвы чистые творит,
Доволен жизнью земною,
Закон небес боготворит,
Открытой грудью стоит
Пред казнию, злобою людскою,
И за царя, за отчий кров
Собою жертвовать готов.
Он, и не многое имея,
Всегда делиться рад душой;
На помощь бедных, не жалея,
Всё щедрой раздаёт рукой!

*20 августа 1830
Старобельск.*

Первая любовь

Что душу юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
И полюбило не на час, —
То всё я силюсь придать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цель найти,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно всё: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Уснёшь — непостижимой силой
Она тихонько к ложу льнёт,
Печально руку мне даёт,
И сладкою мечтою вновь сердце очарует,
И очи темные к моим очам прикует!..
И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждущей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе, иль вечности тобою?..

*21 августа 1830
Близ Мур-могилы.*

Мука

Осиротелый и унылый,
Ищу подруги в свете милой, —
Ищу — и всем «люблю» твержу, —
Любви ж ни в ком не нахожу.
На что ж природа нам дала
И прелести и розы мая?
На что рука твоя святая
Им сердце гордым создала?
Ужель на то, чтоб в первый раз
Пленить любовь священной,
Потом упорностью надменной
Сушить и мучить вечно нас?
Ужель на то, чтоб радость рая
В их взоре видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
В любви муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развейся ж, грешная мечта,
Проси от неба воздаянья!

*27 августа 1830
Кирчинская слобода*

Сирота

Когда мне шёл двадцатый год,
Я жил звериной ловлей
И был укрыт от непогод
Родительскою кровлей.
Отец мой всех был богачей,
Всяк знался с нашей хатой,
Был хлеб, был скот рогатый...
Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась;
Такому счастью родня
С досадой улыбалась.
И кто б подумать прежде мог,
Что после с нами стало:
Прогневался на грешных бог —
Что было — всё пропало.
Два года не рожался хлеб,
Иссохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на двор — и денег нет!
Травую заросло гумно,
Кошары опустели,
С последним нищим заодно
И в праздник мы говели.
Ещё б мой жалкий жребий сносен был,
Но с бесталанной
Я всю семью похоронил...
От скорби и от боли
Без них для горького меня
И радости скончались;
Чуждалась бедного родня,
Соседи удалялись.
Пришлось с могилою родных
Навеки распротиться
И горевать среди чужих

С пустой сумой пуститься.
И люди мирных деревень,
Живя без нужд, не знают,
Что вся мне жизнь есть черный день
Иль, зная, забывают.

*4 сентября 1830
Кокенское поле.*

На что ты, сердце нежное

Песня

На что ты, сердце нежное,
Любовию горишь?
На что вы, чувства пылкие,
Волнуетесь в груди?
Напрасно, девы милые,
Цветёте красотой,
Напрасно добрых юношей
Пленяете собой, —
Когда обычи строгие
Любить вас не велят,
Когда сердца холодные
Смеются, други, вам.
Любовь, любовь чистейшая,
Богиня нежных душ!
Не ты ль собою всех людей
Чаруешь и живишь?
Сердца, сердца холодные,
Не смейтесь любви!
Она — и дев, и юношей
Святыня и кумир.

*5 сентября 1830
Близ Славяносербска.*

Кольцо

Песня

Я затеплю свечу
Воска ярого,
Распаяю кольцо
Друга милова.
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.
Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.
Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.
Возвратиться ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?
Нет надежды в душе...
Ты рассыпья же
Золотой слезой,
Память милова!
Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

Сельская пирушка

Ворота тесовы
Растворились,
На конях, на санях,
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора повели
В светлу горенку.
Перед спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу горькова;
Сам хозяин за ней
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Родных потчует;
А хозяйская дочь
Мёдом сыченным
Обносила кругом
С лаской девичьей.

Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб уродит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

21 сентября 1830.

Песня старика

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.
Через поля, за моря,
В дальнюю сторону...

Соловей

(Подражание Пушкину)

Пленившись розой, соловей
И день и ночь поёт над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон её объемлет...
На лире так певец иной
Поёт для девы молодой;
Он страстью пламенной сгорает,
А дева милая не знает —
Кому поёт он? отчего
Печальны песни так его?..

Видение Наяды

Взгруснуть как-то мне в степи однообразной.
Я слѣг
Под стог,
И, дремля в скуке праздной,
Уснул; уснул — и вижу сон:
На берегу морском, под дремлющей сосною,
С унылою душою,
Сижу один; передо мною
Со всех сторон
Безбрежность вод и небо голубое —
Всѣ в сладостном ночном покое,
На всё навеян лёгкий сон.
Казалось, море — небеса другие,
Казались морем небеса:
И там и здесь — одни светила золотые,
Одна лазурь, одна краса
В объятых дружбы дремлет.
Но кто вдали, нарушив тишину
Уснувшую волну
Подъемлет и колеблет?
Прелестная нагая
Богиня синих вод —
Наяда молодая;
Она плывѣт,
Она манит, она манит
К себе на грудь мои объятия и очи...
Как сладострастный гений ночи,
Она с девичьей красотой,
Являлась вся сверх волн нагой
И обнималась с волной!..
Я с берегов, я к ней... И — чудо! — достигаю.
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я с ней! — её я обнимаю,
С боязнью детскою ловлю

Её приветливые взгляды;
Сжимаю стан Наяды,
Целую и шепчу: «Люблю!»
Она так ласково ко мне главу склонила;
Она сама меня так тихо обнажила,
И рубище моё пошло ко дну морей...
Я чувствовал, в душе моей
Рождалась новая, невидимая сила,
И счастлив был я у её груди...
То, от меня притворно вырываясь,
Она, как дым сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько в даль плыла;
То, тихо отклонив она меня руками,
Невидима была;
То долго под водами
Напевом чудным песнь поёт;
То, охватив меня рукою,
Шалит ленивою водою
И страстный поцелуй даёт;
То вдруг, одетые в покров туманной мглы
Идём мы в воздухе до дремлющей скалы,
С вершины — вновь в морскую глубину!
По ней кружимся, в ней играем,
Друг друга, нежась, прижимаем
И предаёмся будто сну...
Но вспыхнула во мне вся кровь,
Пожаром разлилась любовь;
С воспламенённою душою —
Я всю её объемлю, всю обвил...
Но миг — и я от ужаса остыл:
Наяда, как мечта, мгновенно исчезает;
Коварное мне море изменяет —
Я тяжелею, я тону
И страсть безумную кляню;
Я силюсь всплыть, но надо мною
Со всех сторон валы встают стеною;
Разлился мрак, и с мрачною душою

Я поглощён бездонной глубиной...

Проснулся: пот холодный
Обдал меня...

«Поэзия! — подумал я, —
Твой жрец — душа святая,
И чистая, и неземная!»

Домик лесника

В темном лесе, за рекой
Стоит домик небольшой,
С двумя светлыми окнами,
С распашными воротами.

Под замком те ворота,
И калитка заперта —
Чтоб не вшел туда рогатый,
Леший страшный и косматый;

Чтоб не вшел туда упырь,
Ни проезжий богатырь.
Кто ж живет тут одиноко,
От жилья кругом далеко?

Рыболов ли небогатый?
Иль разбойник бородатый?
В нем спасается мольбой,
С сундуками и казной,

Лесной староста, с женою,
С третьей дочкой молодою.
Он живет здесь с давних пор,
Караулит царский бор.

И для ней старик седой
Замыкает домик свой, —
Чтобы в каменны палаты
Не увез купец богатый;

Чтоб боярин окружной
Не прильнул бы к молодой
Безотвязной повиликой, —
Чтоб не быть ей горемыкой.

Исступление

Духи неба, дайте мне
Крылья сокола скорей!
Я в полночной тишине
Полечу в объятья к ней!

Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно к груди полной,
Как пчела к цветку, прильну,
Сладострастьем усыпленный,
Беспробудно я засну.

Ты не пой, соловей

Песня

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прошебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чью мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай

К душе-девице!

1832

Размышления поселянина

На восьмой десяток
Пять лет перегнулось;
Как одну я песню,
Песню молодую
Пою, запеваю
Старую погудкой;
Как одну я лямку
Тяну без подмоги!
Ровесникам детки
Давно помогают,
Только мне на свете
Перемены нету.
Сын пошел на службу,
А другой в могилу;
Две вдовы — невестки;
У них детей кучи —
Все мал-мала меньше;
Задной головою
Ничего не знают.
Где пахать, где сеять,
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать под старость
Меня, горемыку,
Такой тяготою.
Сбыть с двора невесток,
Пустить сирот в люди! —
Старики на сходке
Про Кузьму что скажут?
Нет, мой згад, уж лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа в теле,
Буду я трудиться;
Кто у бога просит

Да работать любит,
Тому невидимо
Господь посылает.
Посмотришь: один я
Батрак и хозяин;
А живу чем хуже
Людей семьянистых?
Лиха-беда в землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть,
А там бог уродит,
Микола подсобит
Собрать хлебец с поля;
Так его достанет
Год семью пробавить,
Посбыть подать с шеи,
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божий праздник встретить.

Поэт и няня

«Няня, няня! правда ль это,
Что здесь сказано поэтом?
Будто мне не век играть;
Что достанется узнать
Девушке девичье горе,
Своенравное, как море;
И, что мне теперь так мило,
Будет горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкой вздыхать...
День ли весело проснется —
Дева дню не улыбнется,
Выйдет с грустью на крыльцо
Освежить свое лицо.
Поглядит ли на дубравы,
На невинные забавы,
На шелковые луга,
На зеленые берега —
Всё под твердью голубою
Дышит радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Оросит ее глаза...» —
«И!.. Не верь, мое дитя,
Они гуторят шутя;
Их ты сказкам не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй!..»

Удалец

Мне ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мне ль поля пахать?
Мне ль траву косить?
Затоплять овин?
Молотить овес?

Мне поля — не друг,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не соседи мне.

Если б молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный нож,
Да темны леса!

Снаряжу коня,
Наточу булат,
Затяну чекмень,
Полечу в леса!

Стану в тех лесах
Вольной волей жить,
Удалой башкой
В околотке слыть.

С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли, —
Всякий молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью барина,
Мужика-глупца
За железный грош!

Но не грех ли мне
Будет от бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гуторит,
Что душой за кровь
Злодей поплатится...

Лучше ж воином
За царев закон,
За крещеный мир
Сложить голову!..

Великая тайна

Дума

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звезд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Старюсь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси друга», —
Каждый отвечает.

Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..
О, гори, лампада,
Ярче пред распятием!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

Не шуми ты, рожь

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Урожай

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом-бурею,
Огнем-молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилась
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта;

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельские
Не намотрятся.

Люди сельские
Божей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из закрома
Насыпать мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужем
В пору выехать.

Третью думушку

Как задумали, —
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкой,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полубуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится,
Золотой волной

Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князя, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

Глаза

Русская песня

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

Человек

Дума

Все творенья в божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земле!

То себя он ненавидит;
То собой он дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Даст желаньям ли свободу —
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю —
Под ним море закипит.

Но изменятся стремленья,
Озарится светом ум —
И своей он красотою
Все на свете помрачит...

Женитьба Павла

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевики,

Да китаечки коней,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет —
Распотешит весь народ;
Песнь ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль молодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился.

И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости родных созывает,
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

Молодая жница

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет не жнет,
Глядит в сторону —
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем —
Небывалое!

Она шла вчера
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку.

Повстречался ей
Добрый молодец;
Уж не в первый раз
Повстречался он.

Разминется с ней
Будто нехотя
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

Косарь

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моём
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри чёрные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Всё мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...

Я ль за тем гонюсь,
Что отец её
Богачом слывёт?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я её хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щёки полные,
Глаза тёмные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...
Я куплю себе
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её, —
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста, —
В края дальние
Пойдёт молодец —
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная

Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстиляется!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришёл:
Я пришёл сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!

Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

1836, Москва

Неразгаданная истина

Дума

Целый век я рылся
В таинствах вселенной,
До седин учился
Мудрости священной.

Все века былые
С новыми поверил;
Чудеса земные
Опытом измерил.

Мелкие причины
Тешились людьми;
Карлы-властелины
Двигали мирами.

Райские долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
В бездну низвергались.

Где пройдёт коварство
С злобою людскою,
Там, в обломках, царство
Зарастёт травой...

Племена другие
На них поселятся;
Города большие
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюет,
И жизнь молодая

Шумно запирует!

Подсеку ж я крылья
Дерзкому сомненью,
Прокляну усилья
К тайнам провиденья!

Ум наш не шагает
Мира за границу;
Наобум мешает
С былью небылицу.

Умолкший поэт

Дума

С душою пророка,
С печатью величья
На гордом челе,
Родился младенец
На диво земле.

Земные богини,
Как хитрые девы,
Манили младенца
Роскошной мечтой;
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцелуем
Румянец лица,
Сорвали улыбку —
Сиянье души.
Напрасно таил он,
Напрасно берёт
Дары вдохновений
От горнего мира
Для жизни земной;
Напрасно он райской
И звучною песней
Родимые дебри,
Поля оглашал:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
От взоров пророка!
Высокое чувство,
И жар вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смешны ей и радость

И горе поэта...
Сгорит он в пожаре
Презренных страстей, —
Она, как вакханка,
Его зацелует
И вражским восторгом,
Нечистым, постыдным,
Навек заклеямит...

Очарованный утром,
Обманутый полднем,
Одетый вечерним
Туманом и тенью
Загадочной жизни —
Глядит равнодушно
Безмолвный поэт...
Ты думаешь: пал он?..
Нет, ты не заметил
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взоре его...

Великое слово

Дума

В. А. Жуковскому

Глубокая вечность
Огласилась словом.
То слово — «да будет!»
«Ничто» воплотилось
В тьму ночи и свет;
Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной
Повеяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошным эдемом,
И дух воплощенный —
Владелец земли —
С селом вечно юным,
Высоким и стройным,
С ответом свободы
И мысли во взоре,
На светлое небо
Как ангел глядел...

Свобода, свобода!..
Где ж рай твой веселый?
Следы твои страшны,
Отмечены кровью
На пестрой странице
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Бесславленную землю!..

Но слово «да будет!» —
То вечное слово
Не мимо идет:
В хаосе печали,
В полуночном мраке
Надземных судеб —
Божественной мыслью
На древе креста
Сияет и светит
Терновый венец...

И горькие слезы,
Раскаянья слезы,
На бледных ланитах
Земного царя
Зажглись упованьем
Высоким и светлым,
И дух вдохновляет
Мятежную душу,
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекрасного рая...

«Да будет!» — и было,
И видим — и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет богу вопроса,
Нет меры ему!..

1836, Степь гр. Орловой

Молитва

Дума

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могила темна!
Что слух мне заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?
Что будет жизнь духа
Без этого сердца?
На крест, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цели творений
Творец всемогущий
Накинул завесу,
Наложил печать —
Печать та навеки,
Ее не расторгнут
Миры, разрушаясь,
Огонь не растопит,
Не смоев вода!..

Прости мне, спаситель!
Слезу моей грешной
Вечерней молитвы:
Во тьме она светит
Любовью к тебе...

Могила

Дума

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа?
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татарин ли дикий
Свершил здесь убийство
В ночной темноте
И свежую кровью,
Горячую брызнул
На русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На руках лелея,
Оплакала горько
Кончину его?
И под ясным небом
В поле, на просторе,
В цветах васильковых,
Положен дитя.

Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекасти-поле.
Будит вольный ветер,
Будит, не пробудит

Дикую пустыню,
Тихий сон могилы!..
И встают виденья
В душе одинокой...

1836, Воронеж

Цветок

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшенье,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем ты так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души,
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

Перстень

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памяти любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей,
Ты потускни, почерней;
Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет —
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпья сам собой!

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837, Москва

Ура!

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Едет белый русский царь,
Православный государь
Вдоль по царству-государству...
Русь шумит ему: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Свет-царица в путь идет —
Лаской жаловать народ...
Ей навстречу, на дорогу,
Русь валит, шумит: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Князь наследный, сын царя,
Дня румяная заря,
Едет Русь святую видеть...
Русь кипит, шумит: «Ура!»

Мысль народа, звук души,
Всероссийское «ура!»
Ты — во всем царю ответ;
Лучшей песни в мире нет.
Исполин, царю послушный
Все сомкнул в своем «ура!»

Это — пыл любви живой,
Сильной, вечной и святой
К коронованным главам;
Это — страх, гроза врагам;
Это — посвист богатырский —
Вот что русское «ура!»

Июль 1837

Горькая доля

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

Два прощания

«Как ты, моя
Красавица,
Лишилась вдруг
Двух молодцев.
Скажи же мне,
Как с первым ты
Рассталась —
Прощалась?» —
«Рассталась с ним
Я весело;
Прощалась —
Смеялась...
А он ко мне,
Бедняжечка,
Припал на грудь
Головушкой;
И долго так
Лежал, молчал;
Смочил платок
Горючими...

— Ну, бог с тобой, —
Промолвил мне.
Схватил коня,
Поехал в путь,
В чужих краях
Коротать век». —

«И ты над ним
Смеялась?
Его слезам
Не верила?
Скажи ж теперь,
Мудреная,

Как ты с другим
Прощалась?» —

«Другой не то...
Не плакал он,
Но и теперь
Все плачу я.
Ах, обнял он
Так холодно;
Так сухо речь
Повел со мной:
— Я еду, вишь,
Ненадолго;
Еще с тобой
Увидимся
И доvoli
Наплачемся. —
По сердцу ли
Такой привет?
Махнул рукой,
Не кланяясь,
В мое лицо
Не смотрючи,
Пустил коня —
И был таков». —

«Кто ж памятной
Останется
Душе твоей,
Красавица?» —
«Мне первого,
Конечно, жаль;
Но я люблю
Последнего».

28 сентября 1837

Вопрос

Дума

Как ты можешь
Кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце!
Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе
Не ходило,
Чтоб на землю
Не светило!»

Стань на берег,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сделать морю,
Чтоб вода в нем
Охладела,
Чтобы камнем
Затвердела?
Какой силой
Богатырской
Шар вселенной
Остановишь,
Чтоб не шел он,
Не кружился?
Как же быть мне
В этом мире —
При движеньи —
Без желанья?
Что мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?
В эту глыбу
Земляную

Сила неба
Жизнь вложила
И живет в ней,
Как царица!
С колыбели —
До могилы
Дух с землею
Ведут брани:
Земь не хочет
Быть рабою —
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться...
Много ль время
Пролетело?
Много ль время
Есть впереди?
Когда будет
Конец брани?
За кем поле?
Бог их знает!
В этой сказке
Цель сокрыта;
В моем толке
Смысла нету,
Чтоб провидеть
Дела божьи...

За могилой
Речь безмолвна;
Вечной тьмою
Даль одета...
Буду ль жить я
В бездне моря?

Буду ль жить я
В дальнем небе?
Буду ль помнить,
Где был прежде?
Что я думал
Человеком?..

Иль за гробом
Все забуду,
Смысл и память
Потеряю?..
Что ж со мною
Тогда будет,
Творец мира,
Царь природы?..

20 сентября 1837

Человеческая мудрость

Дума

Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце! Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе не ходило!
Чтоб на землю не светило!»
Выдь на берег, глянь на море —
Что ты можешь сделать морю,
Чтоб вода в нем охладела,
Чтобы камнем затвердела?
Чем, какую тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей,
Сам собой наполни небо,
Будь ты все, один и всюду,
Будь ты бог — и слово — дело!..
Но когда уж это все,
Бесконечно и одно,
Есть пред нами в ризе света, —
То другой уж власти нет...
Все, что есть, — все это божье;
И премудрость наша — божья.

20 сентября 1837

Божий мир

Дума

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы есть жизнь;
Мир жизнью кипит.
Везде триединый,
Воззвавший все к жизни!
Нет века ему,
Нет места ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает им силу,
Возрождает душу.
В царстве божьей воли,
В переливах жизни —
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

1837, Воронеж

Пора любви

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным — полна;
Поют они и день и ночь.
То песенки чудесные!
Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,
В душе своей не чувствует,
Что песни те волшебные:
В них сила есть любовная;
Любовь — огонь; с огня — пожар...
Не слушай их, красавица!
Пока твой сон — сон девичий —
Спокоен, тих до утра дня;
Как раз беду наслушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.

Стоит она, задумалась,
Дыханьем чар овеяна;
Запала в грудь любовь — тоска,
Нейдет с души тяжелый вздох;
Грудь белая волнуется,
Что реченька глубокая —
Песку со дна не выкинет;
В лице огонь, В глазах туман...
Смеркает степь; горит заря...

Весной в реке при месяце,
Поит коня детинушка;
Сам думает он думушку
Про девицу заветную:

«Четвертый год, как я люблю
Меньшую дочь соседскую...
Пойдешь за ней на улицу,
Затеешь речь сторонкою —
Так нет куда! сидит, молчит...
Пошлешь к отцу посвататься —
Седой старик спесивится:
— Нельзя никак — жди череда.

Болит моя головушка,
Щемит в груди ретивое,
Печаль моя всесветная,
Пришла беда незваная;
Как с плеч свалить не знаю сам.
И сила есть — да воли нет;
Наружи клад — да взять нельзя,
Заклял его обычай наш;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй с башкою прежнею...

Возьму ж я ржи две четверти,
Поеду ж я на мельницу;
Про мельника слух носится,
Что мастер он присушивать.
Скажу ему: «Иван Кузьмич!
К тебе нужда есть кровная:
Возьми с меня, что хочешь ты,
Лишь сделай мне по-своему.»

В селе весной, при месяце,
Спокойно спит крещеный мир;
Вдоль улицы наш молодец
Идет сам-друг с соседкою,
Промеж себя ведут они
О чем-то речь хорошую.
Дает он ей с руки кольцо —
У ней берет себе в обмен;

А не был он на мельнице,
Иван Кузьмич не грешен тут.

Ах, степь ты, степь зеленая,
Вы пташечки певучие,
Разнежили вы девицу,
Отбили хлеб у мельника.
У вас весной присуха есть
Сильней присух нашептанных...

Лес

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темную
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь-поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь-поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную

Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

Первая песня лихача Кудрявича

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольца
Молодца удаля.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними все на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь песни!
Ходи, парень, браво!

Вторая песня лихача Кудрявича

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень.

Не родись в сорочке,
Не родись талантлив —
Родись терпеливым
И на все готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле найдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит и ноет,
Болят ретивое —
Все — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят, —
Старые лаптишки
Без онучь обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитова счастья.

Две жизни

Дума

Две жизни в мире есть.
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии — святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это — жизнь земнова духа;
Долга она, как божья вечность...

Другая жизнь темна;
В ее очах — земная грусть и ночь;
И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью;
Наклоннее во тьме она к молчанью.
И это — жизнь земнова праха;
Кратка она, как блеск звезды падучей...

Царство мысли

Дума

Горит огнем и вечной мыслью солнце;
Осенены все той же тайной думой,
Блистают Звезды в беспредельном небе;
И одинокий, молчаливый месяц
Глядит на нашу землю светлым оком.
Во тьме ночи возникает мысль созданья;
Во свете дня она уже одета,
И крепнет в веяньи живой прохлады,
И спеет в неге теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна, одна идея,
Она живет и в пепле и в пожаре;
Она и там — во огне, в раскатах грома;
В сокрытой тьме бездонной глубины;
И там, в безмолвии лесов дремучих;
В прозрачном и плавучем царстве вод глубоких,
В их зеркале и в шумной битве волн;
И в тишине безмолвного кладбища;
На высях гор безлюдных и пустынных;
В печальном завываньи бурь и ветра;
В глубоком сне недвижимого камня;
В дыхании былинки молчаливой;
В полете к облаку орлиных крылий;
В судьбе народов, царств, ума и чувств, всюду —
Она одна, царица бытия!

Измена суженой

Русская песня

Жарко в небе солнце летнее,
Да не греет меня, молодца;
Сердце замерло от холода,
От измены моей суженой.

Пала грусть — тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

Я пошел к людям за помощью, —
Люди с смехом отвернулись;
На могилу к отцу, матери, —
Не встанут они на голос мой.

Замутился свет в глазах моих,
Я упал в траву без памяти...
В ночь глухую буря страшная
На могиле подняла меня...

В ночь, под бурей, я коня седлал;
Без дороги в путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

20 января 1838, Москва

К милой

Давно расстались мы с тобою.
Быть может, ты теперь не та;
Быть может, уж другой
Тебя от сладкого забвенья
Для новой жизни пробудил,
И в тех же снах другие сновиденья,
Роскошнее моих, твою лелеют душу.
Хорош ли он? Вполне ли заменил
Огонь любви моей могучей,
И силу страстного лобзанья,
И наслажденья без конца?
Что, если он своею волей
Сумел любовь пересоздать
И на разрушенных обломках
Построить мир другой —
Подобье дня под небесами?
И в этот мир волшебной силой
Прелестные мечты без образов собрал,
Кругом тебя рассыпал,
Преобразил в живые лица,
Святой любовью прояснил
И власть тебе он дал
Их бесконечно ощущать?..
Ах, если так, то ты счастлива!
Среди духов небесных
Нет духа счастливей тебя!..
Что ж я? — ненужное созданье?
Приди ко мне, моя богиня,
Во время сна, в покровах ночи,
Возьми к себе в его прекрасный мир,
И с ним в одно созданье слей!

1 февраля 1838, Москва

Ах, зачем меня

Русская песня

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова.

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото

На пол сыпется;

Не расти траве

После осени;

Не цвести цветам

Зимой по снегу!

5 апреля 1838, Москва

Последний поцелуй

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь

На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838, Москва

Деревенская беда

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не ведывал,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал.

В день воскресный, с утра до ночи,
В хороводе песни игрывал;
Вместе с девицей-красавицей
Пляски новые выдумывал.

Полюбил я эту девушку:
Что душою — больше разумом,
Больше поступью павлиною,
Да что речь соловьиною...

Как, бывало, летом с улицы
Мы пойдем с ней рука об руку
До двора ее богатова,
До крыльца ее высокова.

Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза — бровь черную,
На ее лицо — грудь белую,
Всю монистами покрытую, —

Аль ни пот с лица посыплется,
Аль ни в грудь душа затукает,
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся...

На погибель мою староста
За сынка вперед посватался;
И его казна несметная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердце,
Как из церкви мою милую
При народе взял он за руку,
С похвальбою поклонился мне.

Тошно, грустно было на сердце,
Как он с нею вдоль по улице
Что есть духу проскакал — злодей! —
К своему двору широкому.

Я стоял, глядел, задумался;
Снявши шапку, хватил об землю.
И пошел себе загуменьем —
Под его окошки красные.

Там огни горят; там девушки
Поют песни, там товарищи
Пьют, играют, забавляются,
С молодыми все целуются.

Вот приходит полночь мертвая,
Разошлись гости пьяные,
Добры молодцы разъехались,
И ворота затворилися...

В эту пору для приятеля
Заварил я брагу хмельную,
Заиграл я свадьбу новую,
Что беседу небывалую;

Аль ни дым пошел под облаки,
Аль ни пламя закрутилося,
По соседям — через улицу —
На мою избушку бросилось.

Где стоял его богатый дом,

Где была избушка бедная, —
Утром все с землей сровнялося —
Только уголья чернелися...

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюся...

14 мая 1838, Москва

Примирение

На пир сердечных наслаждений,
На светлый пир любви молодой
С судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, в бездомном исступленьи,
Из мира девственной любви
К моим врагам на праздник шумный
С челом открытым гордо вышел,
На злобу — злобой ополчился;
И на беду — с бедой пошел;
Против людей я грудью стал,
На смертный бой судьбу я вызвал!
И где ж она?.. где злые люди?..
Где сила их, оружие, власть?..
Их зло на них же обратилось;
И всё кругом меня безмолвно
В одно мгновенье покорилось;
А я стоял, глядел на небо —
И улыбнулось небо мне...
Не небо — нет! Её прекрасный,
Приветный взор я встретил там...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демон гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грешных наслаждений
Не увлечёшь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вот уж нет пространства между нами;
И вот уж нет в пространстве пустоты;
Она и я — различные два мира —
В одну гармонию слились,
Одною жизнью живём!

Но что за грустные сомненья
Порой ещё мою волнуют грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вам конец?
Ужель все истины на свете —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вера чувств,
Людских страстей пустая тень?..
Нет, нет! не для того на небе солнце ходит,
Чтоб белый день покрылся тьмой...

20 июня 1838, Москва

Мир музыки

В стройных звуках льются песни
Гармонической волной;
По душе волшебно ходят
И проходят с быстротой.

Полечу я вслед за ними;
Покружусь в них душой;
В очарованном забвеньи
Позабуду мир земной.

Сколько звуков, сколько песен
Раздалось вновь во мне!
Сколько образов чудесных
Оживилось в вышине!

Между них она, молодая,
Заблестала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился мир земной...

Улетай же в небо звуки,
Сокрывайтесь в дали!
Здесь я с нею, здесь я счастлив,
Любо жить мне на земле!

*20 июня 1838, Москва,
музыкальный вечер у Боткина*

В поле ветер веет

Русская песня

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойди свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьём засвищет!
Без пути — без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля не людская,
Когда его любит —
Она, молодая!

10 июля, утро, 12 часов, 1838, Москва

Последняя борьба

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле — силу, в сердце — жар!

Что погибель! что спасенье!
Будь что будет — всё равно!
На святое провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом моя могила;
На кресте моя любовь!

20 сентября 1838

Стенька Разин

Памяти друга, А. П. Сребрянского

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса тёмные, дремучие,
Вьюги зимние-крещенские...

Уж как было: по тёмным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями за добычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса тёмные,
Вьюги зимние-крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещёном, славном городе,
На крутом, высоком острове
Живёт девушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным,
Поёт песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?»

Али речи мои не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Бедный призрак

Убил я жизнь, искавши счастья,
Сгубил себя — а счастья нет;
Пойду к друзьям на пир старинный,
И заживу я с ними вновь.
«Против меня восстали люди;
Судьба карает день и ночь;
На свете жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».
Ответа нет. Друзья-счастливы
На бедность холодно глядят;
Со мною встречи избегают
И «нету дома» говорят.
Как будто я, недобрый гость,
Пришел богатство их присвоить;
Печалью радость отравить,
Свое им горе навязать.
И вот дожил на старость лет,
Что не с кем слово перемолвить;
Сердечной скуки разделить,
Кому б «ночь добрую» сказать.
О ночь! приди хоть ты...
Но с этой мыслью
Вся повесть прежних дней
Из глубины души выходит
И тенью страшною стоит.
И грустно мне смотреть
Весной на плуг зеленый,
На плод любимых яблонь
И на пожатый колос нив...

20 октября 1838

Бегство

Уж как гляну я на поле —
Поле чисто дрогнёт,
Нагустит свои туманы,
В них оденется на ночь.

Я из поля в лес дремучий:
Леший по лесу шумит;
Про любовь свою к русалке
С быстрой речкой говорит.

Крикну лесу, топну в берег —
Леший за гору уйдет;
С тихим трепетом русалка
В берегах своих уснет.

Я чрез реку, огородом,
Всю слободку обойду,
С темной полночью глухою
К дому барскому пойду.

Свистну... в тереме высоком
Вмиг растворится окно;
Под окном душа-девица
Дождается давно.

«Скучно в тереме весною
Одинокой горевать;
То ли дело на просторе
Друга к сердцу прижимать!»

Поднимайся, туча-буря
С полуночною грозой!
Зашатайся, лес дремучий,
Страшным голосом завой —

Чтоб погони злой боярин
Вслед за нами не послал;
Чтоб я с милою до света
На Украину прискакал.

Там всего у нас довольно;
Есть где будет отдохнуть.
От боярина сокроют,
Хату славную дадут.

Будем жить с тобой по-пански...
Эти люди — нам друзья;
Что душе твоей угодно,
Все добуду с ними я!

Будут платья дорогие,
Ожерелья с жемчугом!
Наряжайся, одевайся
Хоть парчою с серебром!

31 декабря 1838

Товарищу

Что ты ходишь с нуждой
По чужим по людям;
Веруй силам души
Да могучим плечам.

На заботы ж свои
Чуть заря поднимись,
И один во весь день
Что есть мочи трудись.

Неудача, беда? —
С грустью дома сиди;
А с зарею опять
К новым нуждам иди.

И так бейся, пока
Случай счастья найдет
И на славу твою
Жить с тобою начнет.

Та же сила тогда
Другой голос возьмет:
И чудно и смешно,
Всех к тебе прикует.

И те ж люди — враги,
Что чуждались тебя,
Бог уж ведает как,
Назовутся в друзья.

Ты не сердись на них;
Но спокойно, в тиши,
Жизнь горою пируй
По желаньям души.

Я дома

Опять в глуши, опять досуг
Страдать и телом и душою,
И одиночества недуг
Кормить привязчивой тоскою.
Ох, этот корм! Как горек он!
С него душа не пополнеет,
Не вспыхнет кровь, а смертный сон
Скорей крылом на жизнь повеет!
Но я, в укор моей судьбе,
Судьбе, враждующей со мною,
Томясь с злосчастьем в борьбе,
Не отравлен еще тоскою.
Еще я верю, что минет
Година горьких испытаний
И снова солнышко взойдет
И сгонит с сердца мглу страданий!
Что нужды, если срок уйдет, —
Жизнь на закате расцветлеет;
Нас в полдень солнце очень жжет,
А под вечер отрадно греет.

5 января 1839

Перед образом спасителя

Пред тобою, мой бог,
Я свечу погасил,
Премудрую книгу
Пред тобою закрыл.
Твой небесный огонь
Негасимо горит;
Бесконечный твой мир
Пред очами раскрыт;
Я с любовью к тебе
Погружаюсь в нем;
Со слезами стою
Перед светлым лицом.
И напрасно весь мир
На тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он тебя осуждал:
На кресте, под венцом,
И спокоен, и тих,
До конца ты молил
За злодеев своих.

20 февраля 1839

Путь

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, ни ходить...
Кто же держит меня?
И что кинуть мне жаль?
И зачем до сих пор
Не стремлюся я в даль?
Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!
По летам и кудрям
Не старик еще я:
Много дум в голове,
Много в сердце огня!
Много слуг и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж оседлан стоит.
Да на путь — по душе —
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть;
Чтоб порой пред бедой
За себя постоять;
Под грозой роковой
Назад шагу не дать;
И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

10 марта 1839

Горе

Ах ты, горе, горе,
Горе горькое!
Где ты сеяно,
Да где выросло?
Во сыпучих ли
Песках,
Во дремучих ли
Лесах Муромских?
Кто тебя вспоил,
Да кто выкормил,
Да кто в свет пустил
Тебя, горюшко
Горемышное,
Ко чужим людям
Горе мыкати?
И зачем ты к нам
В гости, горюшко,
Появляешься,
Нежеланное
И не званное?
Отравишь стопу
Пировую всю
И уйдешь опять,
Как ночная тать,
Невидимкою,
И весь пир — не в пир,
И вся жизнь — не в жизнь...
Пропадало б ты,
Горе горькое,
Где родилось
Да где выросло;

Зачем по свету
Бродить целому

И быть гостьею
Всем нерадостной?

4 мая 1839, Воронеж

В непогоду ветер

Песня

В непогоду ветер
Воет, завывают;
Буйную головку
Злая грусть терзает,

Горемышной доле
Нет нигде привета:
До седых волос любовью
Душа не согрета.

Нету сил; устал я
С этим горем биться,
А на свет посмотришь —
Жалко с ним проститься!

Доля ж, моя доля!
Где ты запропала?
До поры до время
Камнем в воду пала?

Поднимись — что силы
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Если нет, у моря
Сядем да дождемся;
Без любви и с горем
Жизнью наживемся!

5 августа 1839

Тоска по воле (1)

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи — соколиные —
Не хотят смотреть на белый свет.

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб собирать под окнами;
Тяжелей того в чужих людях
Быть в неволе — в одиночестве.

Дни проходят здесь без солнушка;
Ночи темные — без месяца;
Бури страшные, громовые,
Удалой души не радуют.

Где ж мои друзья-товарищи?
Куда делись? разлетелися?
Иль не хочет дать мне помочи?
Или голос мой разносит ветер?

Знать, забыли время прежнее —
Как, бывало, в полночь мертвую
Крикну, свистну им из-за леса:
Аль ни темный лес шелохнется...

И они, мои товарищи,
Соколя, орлы могучие,
Все в один круг собираются,
Погулять ночь — пороскошничать.

5 августа 1839

Тоска по воле (2)

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи — соколиные —
Не хотят смотреть на белый свет.

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб собирать под окнами;
Тяжелей того в чужих людях
Быть в неволе — в одиночестве.

Дни проходят здесь без солнушка;
Ночи темные — без месяца;
Бури страшные, громовые,
Удалой души не радуют.

Где ж друзья мои — товарищи?
Куда делись? разлетелися?
Иль не хотят дать мне помочи?
Или голос мой разносит ветер?

А теперь, как крылья быстрые
Судьба злая мне подрезала,
И друзья, мои товарищи,
Одного меня все кинули...

Гой ты, сила пододонная!
От тебя я службы требую —
Дай мне волю, волю прежнюю!
А душой тебе я кланяюсь...

2 сентября 1839

Хуторок

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбацкий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день». —

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,

Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —

Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живёт;
Лишь один соловей
Громко песню поёт...

5 сентября 1839

К***

Ты в путь иной отправилась одна,
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви
Других любимцев избрала...
Ну что ж, далеко ль этот путь пройден?

Какие впечатленья
В твоей душе оставил он?
Из всей толпы избранников твоих
С тобой остался ль хоть один?
И для спасенья своего
Готов ли жертвовать собой?
Где ж он? Дай мне его обнять,
Обоих вас благословить
На бесконечный жизни путь!
Но ты одна, — над страшной бездной
Одна, несчастная стоишь!
В безумном исступленьи
Врагов на помощь ты зовешь
И с безнадежную тоскою
На гибель верную идешь.
Дай руку мне: еще есть время
Тебя от гибели спасти...
Как холодна твоя рука!
Как тяжело нам проходить
Перед язвительной толпой!
Но я решился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездой светлой озарять!..

10 сентября 1839

Не разливай волшебных звуков!

Не разливай волшебных звуков!
Не уноси ты в свой прекрасный мир!
Твоя душа — как божий ангел!
Вся жизнь твоя — как светлый день!

Ты можешь силой дивной песни
Созвать невидимых духов:
Они всю прелесть дивной жизни
В твоих виденьях разольют;

Мятежный мир в мечтах сокроют,
С печалью радость съединят
Коснется ль грусть — на душу снидет
Всесильной жизни благодать!

А предо мной — лишь прошлых дней
Все образы страстей безумных
Из глубины души поднимут
Во всей их страшной наготе.

И если ты, мой милый друг,
Не озаришь меня своим сияньем,
Не дашь руки, люблю не скажешь,
Со мною вместе не пойдешь, —

Тогда погиб я навсегда!
Тогда, страдалец одинокий,
Ни для земли, ни для небес
Я не воскресну никогда!

15 сентября

Что ты спишь, мужичок?

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домово́й
Сор метлою посмел;
И лоша́док за дол́г
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка стоит.

Вспомни время свое,
Как катилось оно
По полям, по лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворили везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб не скошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В тёплой шубе идёт,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи за них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

Говорил мне друг, прощаячись

Русская песня

Говорил мне друг, прощаячись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты белова,
Не гаси румянца алого.

Ты ведь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велит, нужда несёт, —
Отец силою просит дома жить.

Я пойду, скажу: «Вот, батюшка,
Мой избыток весь — возьми себе;
Но в твоём доме родительском
Не жилец, не кормилец твой!

Не держи ж, пусти, дай волюшку
Там опять мне жить, где захочется,
Без талана — где таланится
Молодым кудрям счастливится...»

Говорил так друг, прощаячись,
А в душе его был замысел:
Не к отцу идти — в ином селе
Замуж взять вдову богатую...

Ну, господь с тобой, мой милый друг,
Я за обман не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мне, может быть, воротисься.

2 ноября 1839

Лес

Дума

О чём шумит сосновый лес?
Какие в нём сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?..

Коня скорей! Как сокол быстрый,
На нём весь лес изъезжу я.
Везде глубокий сон, шум ветра,
И дикая краса угрюмо спит...

Когда-нибудь его стихия
Рвалася землю всю покрыть,
Но, в сон невольно погрузившись,
В одном движении стоит.

Порой, во тьме пустынной ночи,
Былых веков живые тени
Из глубины его выходят —
И на людей наводят страх.

С приходом дня уходят тени,
Следов их нет; лишь на вершинах
Один туман, да в тёмной грусти
Ночь безрассветная лежит...

Какая ж тайна в диком лесе
Так безотчётно нас влечёт,
В забвенье погружает душу
И мысли новые рождает в ней?..

Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живёт,
Что может лишь в пределах смерти

Своё величье сознать?..

10 ноября 1839

Без ума, без разума

Русская песня

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укоротали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом от солнушка
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
«Поживётся — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчее придется».

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчёта сравнивать!

15 ноября 1839

Послание

В.Г.Белинскому

Будь человек, терпи!
Тебе даны силы,
Какими жизнь живёт
И мир вселенной движет.
Не так природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здесь раздаёт
Для царства бытия!
Когда ж над ней есть воля, —
Без воли — миг — и что она? —
Так как же могут люди
Твоей душою управлять?..

Пущай они восстанут,
Против тебя пойдут,
В твою главу ударят
Всей силою земной, —
Не пьтсья, друг! стой прямо!
Главы пред ними не склоняй!
Но смело в бой неравный —
На битву божию ступай!
Не уничтожить им
Твоей могучей воли;

Пока в грудях дыханье —
До тех пор бейся с ними ты...
Громада гор земля —
Земля песчинка лишь одна;
И океан безбрежных вод —
Что капля утренней росы.
У духа жизни веса нет
У воли духа нет границ,

Везде одна святая сила,
И часть её есть сила та ж.
Одним лучом огонь небес
Осветит тьму, согреет лёд,
Но тьма и холод в небе
Другова солнца не зажжёт.

Зачем же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать?
Когда с презреньем люди
Зовут тебя на брань,
Ступай во имя бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на поле брани;
Но не беги с него назад.
И где война — там дело
Великой жизни бытия!
В её борьбе — паденье смерти
И новой мысли торжество!

16 ноября 1839

Дума сокола

В. П. Боткину

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Иль боится он
В чужих людях быть,
С судьбой-мачехой
Сам-собою жить?

Для чего ж на свет
Глядеть хочется,
Облететь его
Душа просится?

Иль зачем она,
Моя милая,
Здесь сидит со мной,
Слёзы льёт рекой;

От меня летит,
Песню мне поет;

Всё рукой манит!
Всё с собой зовет!

Нет, уж полно мне
Дома век сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть!

Со двора пойду,
Куда путь лежит,
А жить стану там,
Где уж бог велит!

15 января 1840

Греет солнышко

Русская песня

Греет солнышко —
Да осенью;
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,
Поутру трава
Там сохнула.

И все пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно, —

Что, их слушая,
Кровь стынула,
По душе лилась
Боль смертная.

Так прошла моя
Вся молодость —
Без любви-души,
Без радости.

12 февраля 1840

Не скажу никому

Русская песня

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не собираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Все прошло уж давно...
Не воротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840

Вопль страданий

Напрасно я молю святое провиденье
Отвести удар карающей судьбы,
Укрыть меня от бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребий мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мне, терпенье, веру,
Чтоб мог я равнодушно пережить
Земных страстей безумное волненье.

Пощады нет! Душевную молитву
Разносит ветер во тьме пустынной,
И вопли смертного страданья
Без отзыва вдали глубокой тонут.

Ужель во цвете лет, под тяжестью лишений,
Я должен пасть, не насладившись днем
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательным дыханием весны?

6 марта 1840

Благодетелю моей Родины

Д. Н. Бегичеву

Есть люди: меж людей они
Стоят на ступенях высоких,
Кругом их блеск, и слава
Далеко свой бросают свет;
Они ж с ходулей недоступных
С безумной глупостью глядят,
В страстях, пороках утопают,
И глупо так проводят век.
И люди мимо их смиренно
С лицом боязненным проходят,
Взглянуть на них боятся,
Колена гнут, целуют платья;
А в глубине души своей безмолвно
Плюют и презирают их.

Другие люди есть: они от бога
Поставлены на тех же ступенях;
И так же блеск, величье, слава
Кругом их свет бросают свой.
Но люди те — всю жизнь свою
Делам народа посвятили
И искренно, для пользы государства,
И день и ночь работают свой век...
Кругом же их с почтеньем люди
Колена гнут, снимают шапки,
Молитвы чистые творят...

О, много раз — несчастных, бедных
Вас окружала пестрая толпа.
Когда вы всем, по силе-мочи,
С любовью помогали им,
Тогда, с благоговеньем тайным,

Любил глядеть я молча,
Как чудно благодатным светом
Сияло ваше светлое лицо.

14 марта 1840

Так и рвется душа

Русская песня

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-проводить,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

Разлука

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер — ночь волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

Не на радость, не на счастье

Русская песня

Не на радость, не на счастье,
Знать, с тобой мы, друг мой, встретились;
Знать, на горе горемычное
Так сжились мы, так слюбились.

Жил один я, в одиночестве —
Холостая жизнь наскучила;
Полюбил тебя, безродную,
Полюбивши — весь измучился.

Где ты, время, где ты, времечко,
Как одно я только думывал:
Где ты, как с тобой увидеться,
Одним словом перемолвится.

Тогда было — иду, еду ли,
Ты всегда со мной, с ума нейдешь;
На грудь полную ручкой белою
Ты во сне меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызет сердце, крушит голову:
Как в чужом угле с тобой нам жить,
Как свою казну трудом нажить?

Но куда умом не кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Без следа вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтись? — нету волюшки!
Обмануть, своею бедностью

Красоту сгубить? — жаль до смерти!

12 июня 1840, Бобров

Перепутье

До чего ты моя молодость,
Довела меня, замыкала,
Что уж шагу ступить некуда,
В свете белом стало тесно мне!

Что ж теперь с тобой, удалая,
Пригадаем мы, придумаем?
В чужих людях век домаять ли?
Сидя дома ли состариться?

По людям ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотменную.

А у нас с тобой давно их нет;
Мы, гуляя, все потратили,
Молодую жизнь до времени
Как попало — так и прожили!

Сидеть дома, болеть, состариться,
С стариком отцом вновь ссориться,
Работать, с женой хозяйничать,
Ребятишкам сказки сказывать...

Хоть не так оно — не выгодно,
Но, положим, делать нечего:
В непогоду — не до плаванья,
За большим в нужде не гонятся...

Но вот тут скажи, как придется
По душе спросить, по совести:
Кто пойдет за нас? где будем жить?
Где избыток мой зарыт лежит?..

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горах — леса, сады, дома;
На дне моря — груды золота;
Облака идут — наряд несут!..

11 июля 1840, Бобров

Дуют ветры

Русская песня

Дуют ветры,
Ветры буйные,
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белого;
Не видать в них
Солнца красного.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездолюи —
Горе — не горе!

14 августа 1840

Военная песня

Посвящена князю П. А. Вяземскому

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кров, за родину.

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманския!..

Уж тогда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову, —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить сложу — на груди тел...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

22 августа 1840

Всякому свой талант

Как женился я, раскаялся;
Да уж поздно, делать нечего:
Обвенчавшись — не разженишься;
Наказал господь, так мучайся.

Хоть бы взял ее я силою,
Иль обманут был злой хитростью;
А то волей своей доброю,
Где задумал, там сосватался.

Было кроме много девушек,
И хороших и талантливых;
Да ни с чем взять — видишь, совестно
От своей родни, товарищей.

Вот и выбрал по их разуму,
По обычаю — как водится:
И с роднею, и с породою,
Именитую — почетную.

И живем с ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши всё добро свое,
В долги стали неоплатные...

«Теперь придет время тесное:
Что нам делать, жена, надобно?» —
«Как, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова?» —

«Ах, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилась,
Так зачем же мою голову
Ты сгубила, змея лютая?»

Придет время, время грозное,
Кто поможет? куда денемся?» —
«Сам прожился мой безумной муж,
Да у бабы ума требует».

28 августа 1840

Где вы, дни мои

Русская песня

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?

Где ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

С какой гордостью
Я смотрел тогда
На туманную
Даль волшебную!

Там светился свет
Голубых очей;
Там мечтам моим
Конца не было!

Но, среди весны,
В цвете юности,
Я сгубил твою
Душу чистую...

Без тебя, один,
Я с тоской гляжу,
Как ночная тьма
Покрывает день...

3 декабря 1840, Москва

Поэт

Дума

В душе человека
Возникают мысли,
Как в дали туманной
Небесные звезды...

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни;
Целая природа —
В душе человека.

Проникнуты чувством,
Согреты любовью,
Из нее все силы
В образах выходят...

Властелин-художник
Создает картину —
Великую драму,
Историю царства.

В них дух вечной жизни,
Сам себя сознавши,
В видах бесконечных
Себя проявляет.

И живет столетья,
Ум ваш поражая,
Над бездушной смертью
Вечно торжествуя.

Дивные создания
Мысли всемогущей!
Весь мир перед вами

Со мной исчезает...

7 декабря 1840, Москва

Много есть у меня

Русская песня

Много есть у меня
Теремов и садов,
И раздольных полей,
И дремучих лесов.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомых бояр,
И надежных друзей.

Много есть у меня
Жемчугов и мехов,
Драгоценных одежд,
Разноцветных ковров.

Много есть у меня
Для пиров — серебра,
Для бесед — красных слов,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что
Трав волшебных ищу;
Но я знаю, о чем
Сам с собою грущу...

8 декабря 1840, Москва

Расчет с жизнью

Посвящено В. Г. Белинскому

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым —
И, что ждало меня,
Я не видел за ним.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?

Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

9 декабря 1840, Москва

Грусть девушки

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь —
Что коса моя?

Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня,
И не придет уж
К своей девице?..

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет не к радости
Плакать хочется.

10 декабря 1840, Москва

Ночь

*Посвящена князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому*

Не смотря в лицо,
Она пела мне,
Как ревнивый муж
Бил жену свою.

А в окно луна
Тихо свет лила,
Сладострастных снов
Была ночь полна!

Лишь зеленый сад
Под горой чернел;
Мрачный образ к нам
Из него глядел.

Улыбаясь, он
Зуб о зуб стучал;
Жгучей искрою
Его глаз сверкал.

Вот он к нам идет,
Словно дуб большой...
И тот призрак был —
Ее муж лихой...

По костям моим
Пробежал мороз;
Сам не знаю как,
К полу я прирос.

Но лишь только он
Рукой за дверь взял,

Я схватился с ним —
И он мертвый пал.

«Что ж ты, милая,
Вся как лист дрожишь?
С детским ужасом
На него глядишь?»

Уж не будет он
Караулить нас;
Не придет теперь
В полуночный час!..» —

«Ах, не то, чтоб я...
Ум мешается...
Всё два мужа мне
Представляются:

На полу один
Весь в крови лежит;
А другой — смотри —
Вон в саду стоит!..»

11 декабря 1840, Москва

Поминки

Николаю Владимировичу Станкевичу

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Могучая сила
В душе их кипит;
На бледных ланитах
Румянец горит.

Их очи, как звезды
По небу, блестят;
Их думы — как тучи;
Их речи — горят.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно их не манит
Волшебница даль.

И с мира и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет.

Но вот к ним приходит
Неведомый гость

И молча садится,
Как темная ночь.

Лицо его мрачно,
А взгляды — что яд.
И весь на нем странен
Печальный наряд.

И лучшему другу
Он руку пожал;
И взгляд его черный
Огнем засверкал.

Вмиг юноша вздрогнул,
И очи закрыл,
И черные кудри
На грудь опустил.

Прозрачно как мрамор
Застыло лицо, —
Уснул он надолго!
Уснул глубоко!..

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Их так же, как прежде,
Беседа шумна;
Но часто невольно
Печаль в ней видна.

12 декабря 1840, Москва

Дума двенадцатая

Не может быть, чтобы мои идеи
Влиянья не имели на природу.
Волнение страстей, волнение ума,
Волненье чувств в народе —
Всё той же проявленье мысли.
Небесный свет перерождает воздух,
Организует и живит элементы
И движет всем — по произволу духа.

Доля бедняка

У чужих людей
Горек белый хлеб,
Брага хмельная —
Неразборчива!

Речи вольные —
Все как связаны;
Чувства жаркие
Мрут без отзыва...

Из души ль порой
Радость вырвется —
Злой насмешкою
Вмиг отравится.

И бел-ясен день
Затуманится;
Грустью черною
Мир оденется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А в душе клянешь
Долю горькую!

1 апреля 1841, Воронеж

Ты прости-прощай

Русская песня

Ты прости-прощай,
Сыр-дремучий бор,
С летней волею,
С зимней вьюгою!

Одному с тобой
Надоело жить,
Под дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
В свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Там возьму себе
Молоду жену;
И начну с ней жить —
Припеваючи...

25 апреля 1841

Не весна тогда

Русская песня

Не весна тогда
Жизнью веяла,
Не трава в полях
Зеленелася;

Не заря с небес
Красовалася,
Не луна на нас
Любовалася!

Нет! под холодом,
Под туманами,
Ты в объятьях жгла —
Поцелуями!

Ночи темные,
Ночи бурные
Шли как облачки,
Мимо солнушка.

Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные;

Наводили сны,
Сны волшебные, —
Уносили в край
Заколдованный!

2 мая 1841

Звезда

Где бы ни был я, — всегда,
До утренней зари, алмазная звезда
Против меня стоит
И в очи мне язвительно глядит...

При ней когда-то час разлуки был...
Но я давно ее и час тот позабыл!
Один лишь этот луч неотразим,
И я никак не свыкнусь с ним!

Порою он приводит в умиление,
Порой в восторг и исступление,
Порою в горькую печаль...
И мне ее, погибшую, все жаль!

5 мая 1841

Расступитесь, леса темные

Русская песня

Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мне вестку, моя пташечка!

Я рекой пойду по бережку,
Полечу горой за облаком,
На край света, на край белого —
Искать стану друга милова...

Я найду его, где б ни был он,
Я скажу ему: «Стыдно, совестно
Бросить дом свой, отца старова
Да бог весть куда завихриться».

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует, скажет ласково:

«Нет, душа моя, ошиблась ты,
Я не в поле вихрем веялся;
По людям ходил, деньгу копил,
В свое время счастье пробовал».

Ах вы, душеньки-подруженьки!
Не от горя плачу — с радости;
На душе она огнем горит,
А нет силы, слов души открыть!..

10 мая 1841

Сельская песня

Как здоров да молод,
Без веселья — весел;
Без призыва — счастье
Идет отовсюду.

В непогоду ветер —
Шапка на макушке;
Проходи, поп, барин, —
Волоска не тронем!

Только дум, заботы
У царя-головки:
Погулять по свету,
Пожить нараспашке;

Свою удаль-силку
Попытать на людях, —
Чтоб не стыдно вспомнить
Молодое время!..

15 мая 1841

В Александровской слободке

Русская песня

Посвящаю Василию Петровичу Боткину

В Александровской слободке
Пьют, гуляют молодцы,
Все опричники лихие,
Молодые чернецы.
Посреди их царь-святоша
В рясе бархатной сидит;
Тихо псалмы распевает,
В пол жезлом своим стучит.
Сам из кубка золотова
Вина, меду много пьет;
Поднимается, как туча
На всю слободу ревет:
«Враги царские не дремлют;
Я ж, как соня здесь живу...
На коней скорей садитесь,
Да поедемте в Москву!
Что за мед здесь, что за брага?
Опротивел хлеб сухой;
На московской на площадке
Мы сготовим пир другой!
Наедемся там досыта
Человечины сырой,
Перепьемся мы допьяна
Крови женской и мужской!
Бедный раб, я — царь наследный
Над моими над людьми:
На кого сурово взглянем —
Того скушаем с детьми!»
Царь-ханжа летит как вихорь,
С саранчою удальцов
Москву-матушку пилатить —

Кушать мясо и пить кровь!

16 октября 1841

Из лесов дремучих, северных

Русская песня

Из лесов дремучих, северных
Поднялась не тучка темная;
А рать сильная, могучая —
Царя грознова, Московскова.

Словно птица быструлетная
Пролетела море синее...
Перешла так сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
К царству славному, Казанскому,
К бусурману — хану лютому,
К своему недругу заклЯтому.

И куда еще — спит зорюшка,
А уж бьется Русь с татаринoм, —
Стены крепкие разрушила —
И пошла гулять по городу;

Воеводы, рати храбрые
Ездят, бьют татар по улицам;
А на башне с русским знаменем
Юный царь стоит — как солнышко!

17 октября 1841

Ивану Гордеевичу Козлову

Он жил — и был здесь всем чужой;
Но все душой его любили
И добросердечною слезой,
Прощаясь, прах его почтили.

18 октября 1841

Жизнь

Дума

Умом легко нам свет обнять;
В нем мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать —
Мы все как будто понимаем.

И резко судим обо всем,
С веков покрова не снимая;
Дошло — что людям нипочем
Сказать: вот тайна мировая.

Как свет стоит, до этих пор
Всего мы много пережили:
Страстей мы видели напор;
За царством царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познания взяли мы легко,
Другие — силою упорной...

Но все ж успех наш невелик.
Что до преданий? — мы не знаем.
Вперед что будет — кто проник?
Что мы теперь? — не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили —
И мы живем — и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября 1841

Из Горация

Не время ль нам оставить
Про небеса мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть — иль нет желать?

Легко, конечно строить
Воздушные миры,
И уверять, и спорить:
Как в них-то важны мы!

Но от души ль порою
В нас чувство говорит,
Что жизнь земною
Нет нужды дорожить?..

Всему конец-могила;
За далью — мрак густой;
Ни вести, ни отзыва
На вопль наш роковой!

А тут дары земные,
Дыхание цветов,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шум лесов;

И сердца жизнь живая,
И чувства огонь святой,
И дева молодая
Блестит красотой!

18 декабря 1841

Я любила его

Русская песня

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогут никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты зорька моя?»
Вот он руку берёт,
Вот целует меня!

«Милый друг погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови;

И без них при тебе
Жгет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —

Я любила душой!

На новый 1842 год

Прожитый год тебя я встретил шумно,
В кругу знакомых и друзей;
Широко вольно и безумно,
При звуках бешенных речей.

Тогда, забывшись на мгновение,
Вперед всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость на страданье,
В том дух огнем восторженным горит,
Тот о своем загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

Так, до зари беседа наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь неисчерпаема была!

Но год прошел: одним звездой ясной,
Другим он молонью мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, —
Как друг, как демон обманул!

Он за таинственным покровом
Мученья горькие скрывал;
И в этом свете бестолковом
Меня вполне рок грозный испытал.

Тяжелый год, тебя уж нет, а я еще живу,
И новый тихо, без друзей один встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страдания?
Ужель безвременно из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

Что он ходит за мной

Песня

Что он ходит за мной,
Всюду ищет меня
И встречаясь, глядит
Так лукаво всегда?

Что смешнова во мне —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто дал право ему?

Помню, как то давно
У знакомых был бал;
Как безумный, всю ночь
Он со мной танцевал!

Слова нет — он хорош:
Брови, нос и лицо,
Но глаза — за глаза —
Ненавижу его!

Голубые они...
И как жарко горят!
Будто яда полны,
Будто съесть вас хотят!

Ваших дьявольских глаз
Я боюсь как огня!..

Когда есть жизнь другая там

Когда есть жизнь другая там,
Прощай! Счастливый путь!
А нет скорее к нам,
Пока жить можно тут.

Песнь

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один, —
Сказал, — радость! приду.

Месяц будет иль будь
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый впотьмах
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой —
Без дороги чутьём,
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что замок и отец,
Караул, ворота? —
Воеводская дверь
Мне всегда расперта.

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом;
А с тобою мой друг,
Города нипочем!»

Ночка темная

Ночка темная,
Время позднее, —
Скучно девице
Без товарища.

Полюби меня,
Душа девица,
Меня, молодца
Разудалого.

Ночка темная
Не протянется,
Веселей тебе
Будет на сердце

Кровь горячая
Разыграется,
Обольет огнем
Груды белые.

Припаду я к ним
С негой страстною,
С жаждой пылкою
Наслаждения.

Обовью рукой
Шейку стройною,
Шейку белую,
Лебединую.

Я вопьюсь в твои
Уста сладкие,
Я с любовью
Страстной, пламенной...

Мы тогда с тобой
Весь забудем мир,
И наплачемся,
И натешимся.

Песнь утра

С зарею красною восходит
Солнце яркое с восток,
Из-за леса, гор выходит
И шумит живой поток.
Осветило дол росистый,
Озлатило зыби вод,
Потрясса и бор ветвистый.
Вдруг поднялся хоровод
Нежных пташек, пенье
И свирели пастухов.
Всю радость и веселье
Среди долины и лугов.
Всех пленяло, веселило
Милый взор среди природ!
О, как нежно, о, как мило
Утро встретить и восход!

Первый шаг любви

Извините, я невольно
Вас увидел, полюбил;
Это сердцу уж прискорбно,
Если б пламень я убил.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказ милой я забуду,
Но любить вовеки буду.
Ангел, да иль нет? прости!

Пьянюгину

Козьма, говорят, хвор,
Ай, вздор!
Так разве с пуншу заболел;
И вправду, как не околел!

Простодушные соседи

Сосед мой пьет арак;
Так, видно, не дурак.

Ирисе

«Не верю, чтоб Ириса
Чужой красой сияла.»
Хоть как ты не божишься,
Но все ж не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддельная краса.

Семинаристу, писавшему эпиграмму

Вралев, писавший эпиграмму,
Теперь, признаться, dokonчал;
Но что ж он ею укорял? —
И не мужчину и не даму.

Отцветшая краса

Жизнь моя несется,
Как пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уносит мой покой.
Милы где предметы:
Поле, рощи и луга,
И молодые лета,
И уютные брега?
Где твоя награда —
Воля страсти молодой?
Где твоя услада,
Незаметная тоской?
Где цветочек лживый —
Светлоокие глаза,
Блеск в лице игривый
И приятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мне же бедной мнилась...
Сон, игривая мечта!
Старость не отрада
Для поблекшего лица,
Мне ж одна отрада —
Терпеливо ждать конца.

Сон

В бурной жизни сновиденья
Я люблю один мечтать,
Посреди ж уединенья
Я готов стихи кропать.
Но тогда мой тихий гений
С музой стройной улетит,
Я ношусь между селений,
Там, где милым должно жить.
Если скучный посетитель
Мне явится одному,
То надежда-утешитель
Собеседуют ему.
Одинокий, я скучаю
И утех везде ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Сам не знаю, чем грущу.

Послание к Е. Г. О.

Акростих

Если, Лизанька милая,
Любишь нежно ты меня,
И, любовь сгорая,
С тобой счастлив вечно я, —
Ах, любезная, жестоко
В немой страсти слезы лить!
Если ж скуке одинокой
Терпеливость положить, —
Есть ли лютее в свете,
Грустней, тяжче черных бед?
Разлучает страсть в предмете
И велит любя терпеть.
Горячее любовь станет,
Образ милой сохраняя,
Раз, ах! тень ее летает
Этой милой вкруг меня.
В верном сердце сохраняю
Непреложную любовь,
От любви согреваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангел милый, я неложно
Горжусь чувством и тобой!
Ах, красавицы, возможно ль
Разлучить меня с драгой?
Колько ж, Лиза дорогая,
Отягченому страдать,
Верно сердце предлагая,
От любви увядать
И в любви надежд искать?

Акrostих

Красавице любезной
Отдал последний час.
Любовь, твой дар чудесный
Царями ставит нас.
О любовь, твой милый дар
Везде ставит нам алтарь,
К удовольствию надежный,
Тихий, мирный, безмятежный.

16 марта 1827

Тоска о милой

В чужой стране далёко,
С тобою разлучён,
Скитаюсь одинокий,
Лишь милой оживлён.
Тобю только в страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, в лютой части
Кончаю жизнь свою.
Я вяну повсечасно
И сердцем и душой!
В разлуке жить ужасно,
О милая, с тобой!

25 марта 1827

Тоска о миле

По лютой, друг, разлуке
Страдаю день и ночь,
Но чем я в лютой скуке
Могу душе помочь?
Всё тщетно! Я тоскую,
Утех везде ищу,
Клянусь судьбу лихую
И — более грущу.
Без друга жить жестоко,
Всечасно толковать,
Лишь в скуке одинокой
Драгого вспоминать.
Спеши скорей, о нежный,
И тем утешь меня.
Узрев тебя, бесценный,
Скажу: «Навек твоя».
О, нас тогда рок лютей
Ничем не разлучит...
Хоть — ах! Спеши — минутой
Драгую оживить.

25 марта 1827

Прямое счастье

Стансы

Лишь тот один счастливый,
Кто истину почтил,
Блеск света и порывы
Лишь долгу посвятил;
Реками ливший слёзы,
Томился и вздыхал, —
За все мечты и грёзы
Достоин тот похвал.
И в жизни кто волнистой
Под тихим кровом жил
Всегда с душою чистой,
Тот долгу заплатил;
Кто в чувствах сердечных
Злой страстию томим,
В печали, в скуке вечной, —
Любовь в союзе с ним.

.....

Лишь честь свою хранил,
Стезей прямой идущий, —
Тот долгу заплатил;
И в роскоши богатства —
В пороки не впадал,
Но честно без препятства,
Их храбро отражал.
Кто, бедностью гонимый,
От бурей защитил
И, участью томимый,
Себя лишь охранил;
Сирых под кров собравший,
От бурей-непогод
Приют им давший, —
Вечно счастлив тот...

25 марта 1827

Послание Якову Яковлевичу Переславцеву

Любя тебя, о брат двоюродный,
Посвящаю сей досуг,
Ты для братства, в час ненужный,
Утешь, прими, будь брат, будь друг.

Я на лире вдохновенной
С Аполлоном петь хочу
И душе невознесенной
Ложной славы не ищу.

Слава-блеск пустой на свете,
В ней отрады прямой нет:
Хоть в тиши мила, в предмете, —
В буре скоро пропадёт.

За ней горести в награду
Несомненно потекут...
Тогда редко нам в усладу
И улыбку подадут.

Вмиг увидишь: пересуды
Волной всюду зашумят...
Без надежды в жизни трудной
Будет тяжко умирать.

Я, поверь, узнал довольно
Гордых тысячи людей,
И от их-то власти злобной
Ныне сделался грустней.

Жизнь всегда течёт в премене,
И всё всякий испытал;
Кто избёг людской измены,
Тот утехи не видал!

Мы подобны иноземной
Птичке: если залетит,
Испытает, что изменно,
И на родину летит.

Все идём по нити срочной,
Все мы гости на земле:
Проживём — бьёт час урочный,
И мы сокрыты на земле.

Наш прах гордый обратится
Только в алу персть земли,
Взор погаснет, лик затмится,
По телу черви поползли.

Ты себя храни, любезный,
Жизни-бури берегись!
Помни: всюду тут измена,
Хоть куда ни повернись...

2 апреля 1827

Рыцарь

Баллада

Плывёт рыцарь одинокий
В полночь быстро по реке,
В путь собравшись далёкий,
Тёмно-бледен, в челноке.
И в руках весло сияет;
Величав и мил гребец;
Ветер парусом играет.
Полон страха, но пловец
Устремляет взор смущённый,
Где чернеет быстрина.
Видит он: в дали пременно
Колыхается волна;
Вмиг из волн Днепра глубоких
Появились в цветах —
То три девы чернооких,
Знать, резвятся на водах!
Ближе к рыцарю подходят,
Рыцарь мчится в челноке;
Взяв челнок, его уводят
Быстро дале по реке.
Все три девы молодые
Влекут рыцаря и челн
Через пурпуры седые,
Не страшатся бурных волн.
Рыцарь, в думу погружённый,
Руки тянет к небесам;
Но, вдруг сил и чувств лишённый,
Не противится красам.
А прелестницы игривы
Прямо к рыцарю в челнок.
Страх! — но тщетные порывы:
Сил лишается седок.
Он творца молить не может

И рук к небу не взнесёт,
Пуще страх его тревожит,
Пот с чела холодный льёт.
Видит берег обнажённый
И туман вокруг седой,
По лазури месяц бледный
Путь свершает тихо свой.
Девы к рыцарю прильнули
И невольно все вздохнули;
Слышен милый голос сей:
«Рыцарь, рыцарь, бежишь бури,
Но избег ли ты сетей?»
И, склоняся головами,
Они тихими шагами
Влекут рыцаря с собой —
И, разлившись струями,
Очутились под водой.
Рыцарь сделался добычей
Обитательниц Днепра,
А челнок его летучий
Очутился близ шатра.

Свидение

Вчера — как ночи мгла
В покое залегла,
И только одинокий
Я в тишине глубокой
На ложе сна прилёт, —
И деву зрю: восторг
Вскипел в груди моей.
«Проснись, мой друг!» Я к ней
Бегу... во тьме пугливой
Рукой нетерпеливой
Волшебницу схватил!
.....
Волнуя кровь... уж я
В объятиях ея
Лежу, но час забвенья
С минутой упоенья,
Как гений, пролетел.
Зову... Мой друг ушёл!..

К неверной

Не уверяй! твоим словам,
Твоим обманчивым речам,
Как прежде верить не желаю
И данным клятвам изменяю.
Но ты, я вижу, хочешь знать
Вину сердечного раздора?
Она ясна! Но без укора,
Ей-ей, не в силах рассказать;
Зачем вседневно ты к себе
Других тихонько принимаешь,
И так же, как меня, ласкаешь
В непробудимой тишине?
Люби ж других — других всегда
Насквозь обманывать старайся;
Меня ж отнынь ты никогда
Ничем уверить не ласкайся...

Довольный пастух

Овечки родные,
Овечки мои,
Радушен мне с вами
Пастушеский быт;
Хоть, правда, я беден,
Хоть стадо моё
Не может сравняться
С стадами других,
Зато я счастливей
Богатых селян,
Зато я спокойней
Всех наших селян.
Что мне в них за нужда,
В городах я не жил
Да знатности их
Слугою не был.
И вкуса не знаю
В пище дорогой,
Хлеб чёрный мне слаще
Приправ дорогих;
Чужого вина;
С прихотью затеи
Невкусны живут,
А сыр и молоко —
Пастушья еда.
Весь день по долинам
Овечек пасу,
Близ тока под тенью
От зноя лежу.
Негожею ночью
Как в ведро я сплю.
Мой пёс отгоняет
Несытых зверей.
Хоть сроду не делал

Вреда никому,
Хоть совесть с упрёком
Не скажет: ты зол, —
Но бывает в жизни
Нерадостный час,
Сижу я задумчив
И весь как не свой!
Без горя — есть горе,
Без грусти — печаль.
Пастух в низкой доле
Есть тож человек.
Я чувствовать умею,
И жизнь мне мила.
В городах же, может,
Богатым легко
Раздумье деньгами
Из мыслей прогнать;
У меня же есть слёзы,
Со мною свирель.
Поплачу ль! Где горе?
Спою ль что? Где грусть?
Вновь весел — смеюся,
Вновь радости рад.
Долины прохладней,
Трава зеленей,
И стадо то лучше,
И сердцу вольней,
И будто светлее
Самый божий мир!
Овечки родные,
Овечки мои,
Вы мне так любезны,
Как детки к отцу;
Я с вами счастливей
Богатых селян.

ОПЫТ МАЛОРОСИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

1. Послание к другу из Малороссии

Друженку, друженку!
Як я коли зайду
Часочком празненким
До тебе у хату;
Тоде висилийше
З тобою посидимо
И дружба кохае
И ниже, и грие
Сердечки юненки.
Ни туча, ни зрада,
Ни видкиль ни зойде;
Закиль раставанья
Минуточка прийде.
Як з трубок завьё
Дымочек над челом,
Клубится и вьётся
И в воздухе гине.
Так наша и радость
И время празненко,
Несётся швыденко
У братской биседи.
Час в даре!.. мы выйдем
Обои из хаты:
И сядимо вмести
На тисном крылечку...
Бачь? Храмы човненки
Щось пид небом ийдут;
И месяц чуть сяе
И зирки в тумане
Мутненьки ближжут.
Чи вже да ненастье

З утром до нас прийде
Ой ни!.. ще у сердця
Молодость не стихла;
И юность гукае:
«Хлопци! не журитесь,
Бой ще в поле травка
Не жовто завяла».
Бачь?.. Храмы човненки.
Щось пид нибом стали:
Всё небо смутилось,
И зирки и месяц,
Як прежде, не сяе,
Устань, гляни ще ты
Очимо на небо,
Чи чого не вбачиш:
«Не мае ничего,
Толко що туманы
Сидие, густие
И воздух черние».
— Ось, буде!.. ось буде
Година страшная:
И нас, молоданких,
Хлопота и горе
Нагоне, настигне!
А в ту годину
И витер грознийше.
Задуе, завые;
И мы, як цветочки,
Як жовты листочки,
В широкомя поле
Склонимось додолу.
Тоде позабудмо,
Мий брате, мий друже
По корчмах гуляти
И гарных, чорнявых
За гроши за впиво
Бажати, кохати,

На ночь замовляти.
Не станут московски
Белявы красавки
З нами гартовати,
Як нынче гартують.
Тоде позабудмо
И стихи и бросы,
По взгилу чертати;
И жвидкия мечты,
Довненкии думы
Пий дут на пидруку;
Вкрашенная ж муза
С бандурой, с сопилкой
В комору ни зайде...
Докиль сонце сяе
Закиль мы не стары;
Горилки, мий друже?
Горилки пьяненкой
Уточи з барильця
Да выпьем полной
За Галю, за Катю,
Вони нам издавна
Близенки, родненки.

2. Возвращение запорозцов с Кавказа

Видкиль запорозци,
Видкиль се ийдут?
Чи от туркив, ляхив?
Чи из Питенбурха?
Иль чи за Кубанью
Рубались дня со три,
Со чиркесом у горах?
Здоров, пане, хлопцы,
Здоров пробували;
А де ж вы казакив
Ще інших девали,
Як ихали з дому
Буловас багацко:
А теперь щось трошки.
Один з запорозцив
Одтак промовляе:
«Ой, знайте ль вы, братци,
Де Кубань мутная
Геть к морю несётся;
Де лесы и горы,
Де дики черкисы
Свои сакли мают;
Там то ни козаки:
Там то вси удалы,
Порубани, мёртвы,
Навеки застались...

25 декабря 1829

3. Малороссийская песня

Голубонько, доню!
Чому ты не любиш
Мене, козачёнка,
Мене молодого?
Хиба ж ты иного
Вже парубка маеш;
Хиба ж ты другого,
Серденько, бажаеш?
Иль чим, моё сердце,
Тебе не влюбився,
Хиба моя бледность
Тебе так лякае?
Голубонько, доню!
Тебе душче того,
Що в золоти ходит.

9 января 1830

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КОЛЬЦОВУ

Не булатный нож режет грудь мою

Песня

Не булатный нож режет грудь мою,
Не змея грызёт ретивое в ней:
Забралась туда лиходейка-грусть,
Сосёт белу грудь, рвёт сердечушко.
Не клоун-злодей наговорами
В грудь загнал ко мне ненасытную.
Занеслась она с злою весточкой,
Что дружочек мой разлюбил меня —
И кольцом моим с другой девицей
Во чужом краю обручился он!
Сохни, бела грудь, рвись, сердечушко,
Отпади, коса моя чёрная!
Не могиле ты в дар достанешься:
Завещаю я родной матушке
Отослать к дружку на пир свадебный,
Как подарок мой, косу чёрную.

Эх, не вовремя тучи мрачные

Песня

Эх, не вовремя тучи мрачные
По поднебесью разостлалися,
Солнца ясного лучи красные
Потонули в них среди бела дня.
Не в пору завыл ветер по бору:
Петь бы, петь теперь соловью в лесу!
Эх, не вовремя вспало горюшко
В молодую грудь добра молодца,
Иссосало в ней ретиво сердце,
Загубило в нем жизнь цветущую.
Что ж за горюшко, за кручинушка
Рано с молодцем подружилася?
«Други милые! со мной девица
Золотым кольцом поменялася
И любить на век слово молвила, —
А теперь с другим повенчалася.
Вы отдайте ж ей золото кольцо;
Слово ж данное пусть ей бог отдаст,
Без меня она пусть в добре живет,
Без нее же я — лягу в тесный гроб».

Когда моей подруги взор

Когда моей подруги взор
Мне явно высказал презренье,
Другого счастья, мой позор
И клятв старейших нарушенье, —
Тогда кольцо ее рассек
Булатом горского кинжала,
И жизнь свою на месть обрек,
И злоба мне подругой стала!
Я всё к себе на помощь звал:
Свинец, и яд, и ухищренье,
И сердце силой заставлял
Одеться в броню озлобленья —
Чтоб сожаленье и любовь
К нему уж не были доступны,
Чтоб ему пищей были — кровь
И пагуба клятвопреступной!
Молил я солнце, чтоб оно
Свои лучи на грудь неверной,
Как лаву жгучую, лило
И выжгло б сердце лицемерной.
Молил я ночь, чтобы она
К ее очам не допускала
Отрады сладостного сна
И горьких слез с них не стирала.
Неслись ли тучи, — их молил,
Чтоб мраком жизнь ее покрыли;
Гремели ль громы, — их просил,
Чтобы изменницу сразили.
Но с той поры, как весть пришла,
Что на земле ее не стало, —
Как дуновенье от стекла,
От сердца жажда мстить отстала.

Дюканж! ты чародей и милый и ужасный

Дюканж! ты чародей и милый и ужасный.
Твой Жорж, игрок несчастный,
Твоя Амалия, твой Варнер — стоят слез!
Но неужель артистам в честь ни слова?
Я был обворожен игрою Соколова:
Я видел Жоржа в нем — и жал меня мороз,
И сердце обмирало.
Я б сплел для той венки из роз...
Ах, нет! для ней и двух лавровых мало,
Кто не Амалией, а ангелом там был.
Но кто, но кто изобразил
Злодея Варнера — он, он меня смутил.
Я верить не хотел, что это лишь притворство:
Такие мины, вид, ехидность и проворство...
Неподражаемый, ты всех взбесил.
Я в ярости на Варнера забыл,
Что ты Канищев сам!
Ты перешел границы похвалам —
И, наконец, тебя бранили!
Но я люблю сей блеск таланта.
Назло злодеев ты играй
И омерзение к злодейству всем внушай,
Лишь сам противу зла будь тверже алмазанта.

Поднимись, удалец

Поднимись, удалец!
Полно дома сидеть!
Стариком из окна
На дорогу глядеть...
Вишь, как ветер лихой
В поле воет-гудит,
По дорожке снежок
Разметает, клубит!
Поднимись, отряхнись!
Али вьюга страшна?
Али удали нет?
Али кровь холодна?
«Не страшна мне метель,
Ни мороз, ни гроза —
Я на гибель пойду,
Не закрою глаза...
А неволею я
Дома зиму сижу
И на волю, как зверь,
Из окошка гляжу...»

В степи

В небе зоринька
Занимается,
Золотой рекой
Разливается, —
А кругом лежит
Степь широкая,
И стоит по ней
Тишь глубокая...
Ковылем густым
Степь белеется,
Травкой шелковой
Зеленеется.
Ты цветешь красой,
Степь привольная,
Пока нет еще
Лета знойного:
Всю сожжет тогда
Тебя солнышко,
Попалит твою
Травку-цветики!
Пока нет еще
Время тяжкого —
Темной осени,
Ветра буйного:
Разнесет тогда
Он по воздуху
Всю красу твою —
Ковыль белую!

Сиротка

(Редакция стихотворения «Сирота»)

Не прельщайте, не маните
Прошлой юности мечты;
Скройте, скройтесь, улетите
От несчастной сироты.

Что вы, злые, что вы вьетесь
Над невинной сиротой;
Что вы вихрем не несетесь
В край неведомый, чужой.

Я мечтала, я хотела
Счастье встретить на земле:
Но судьба моя велела
Знать его — и знать во сне.

Наяву же в облегченье
Только слезы проливать;
И не верить в наслажденье
И покоя не вкушать.

Не прельщайте ж, не маните
Прошлой юности мечты;
Улетите, улетите
От несчастной сироты.

15 ноября 1829

Ровеснику

(Редакция стихотворения «Ровеснику»)

Клянусь, когда-нибудь ты, друг,
Волшебнице коварной
Открыл души своей недуг
С неразделимой тайной.
И верно, верно, думал ты
С той девой съединиться
И с ней в объятьях красоты
Любовию упиться.
Она ж, неверная тебя,
Любила... но коварно;
Обман и прелести любя,
Забыла своенравно.
Отмсти ж и ты! Забудь ее,
Когда она не любит,
Пусть сердце юное твое
Изменницу забудет...
Смотри, мой друг, как все кругом
И весело, и мило;
Тебе ж в несчастьи твоём
Все мертво и уныло.
Внимай, как юноши поют
И девы веселятся,
Как радости сердечны пьют
И как они резвятся.
Лишь ты суров, угрюм и тих
Меж юными друзьями;
Лишь ты один глядишь на них
Несветлыми очами...
Невольник горести своей,
Алкатель сладострастий!
Забудь любовь, и плен сетей,
И огненные страсти.
Резвись; друзей в кругу простом

Вновь вкусишь наслажденье
И в сем бокале круговом
Потопишь огорченье!
Поверь, замена всех утрат —
Вино: ты им целися.
О наш ровесник, друг и брат,
Будь счастлив, веселися!

11 января 1829

Как обнимешь меня

(Редакция песни «Если встречу я с тобой...»)

Как обнимешь меня,
Забываюся я,
Как дитя на груди
У родимой своей,
А с лобзаньем твоим,
А в восторге с тобой
Я, как дух неземной,
Забываю сей мир.

19 сентября 1830

Приветный огонек

(Редакция стихотворения «Путник»)

Сгустились тучи, ветер веет,
Дубрава темная шумит;
За вихрем вихрь крутясь летит,
И даль просторная чернеет.
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажженный тайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Усталый странник, запоздалый,
Один среди родных степей
Спешит к ночлегу поскорей,
И мчится конь под ним усталый.
Пред ним и блещет и горит
Огонь вдали сквозь полог черный.
Быть может, он его манит
Под кров родных уединенный.
Ему настанет счастья час,
Там встретит он свою отраду:
Родимый дружелюбный глас,
Там все его... Но мне погас
Тот огонь, что мне сулил награду;
К нему стремлюсь я всей душой,
Я с ним хотел здесь счастье встретить;
Но он мне на земле не светит!
И я как огонь во тьме ночной,
Горюю в мире сиротой.

4 августа 1828

Осень

Настала осень, непогоды
Помчались с юга на восток.
Затмилася краса природы,
Уныл, осиротел лужок
Поля, леса оделись тьмою,
Туман гуляет над землею,
И ветер порывный с быстротой
Свистит-летит на край земной.
Пространство дали почернело,
Дожди как ливни, день и ночь;
Всё будто в горе помертвело,
Забавы улетели прочь;
К людям в соседки поселились
Тоска, печаль, досуг и лень;
Длиннее ночь, короче день,
И солнце и луна затмились.
Но долго ль осени туманной
Веселый край опустошать?
И долго ль ветер непрерывный
Уныло будет завывать?
Придет весна, придет веселье,
К людям забавы придут вновь,
Лишь невозвратны наслажденья
И прошлой юности любовь.

23 ноября 1828

Размолвка

(Редакция стихотворения «Размолвка»)

Бывало, ты —
Мне друг и брат;
А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты ко мне
Суров, угрюм!
Молчанье, взор,
Движенье, вид
Как бы твердят:
Незванный гость.

Ночлег чумаков

(Редакция стихотворения «Ночлег чумаков»)

Вся степь роскошно поживает.
Лишь у проезжих чумаков
Огонь горит между возов.
Старик раздетый, бородатый,
Готовя ужин небогатый,
Поджавшись, на ногах сидит.

С какой-то радостью невольной...
Кто б ныне с горя петь начал?
Вот разлились игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украины доблестной сынов.

Но что, украинцы, они
Все отзываются печалью?
Давным-давно прошли те дни,
Когда у вас, блистая сталью,
Шумел раздора буйный глас
И кровь потоками лилась.
Давно прошли те времена;
Везде царует тишина
Под скиптром русского правленья,
И край ваш — край теперь веселья.
Любимый, самородный труд
Неужели давит вашу грудь?
Вы чумакуете по воле:
Чего ж еще желать вам боле?

Я познакомился со светом...
И если бы... да в добрый час!..
Готов остаться я у вас!
Готов чумаковать все лето.

Там, други, не живет веселье,
Где много слов про наслажденье,
Там для него душа мертва,
Как на сухой степи трава.
Живал в больших я городах;
Бывал на ваших хуторах;
И замечал, где как живут,
Что горем, что добром зовут;
С какою целью век трудятся,
К чему и те и те стремятся;
Узнал, вздохнул... и для меня
Приятно в дождик обсушиться
У вас под буркой, близ огня,
Под возом от грозы укрыться;
Приятно кашу есть сухую,
Украины слушать речь простую,
Беспечно время проводить.
На воле любо, братцы, жить!
В степях я город забываю,
Душой и сердцем отдыхаю.
У вас все братски; хороша
Беседа ваша, беспритворна.
Где ты, прекрасная душа,
Своей природе так покорна?..
Что слободской ваша атаман,
Что шитый шелковый кафтан,
Каморы, полные, без счету
Снарядов разных, серебра, —
Когда в них искры нет добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Меняться счастьем своим,
Меняться степию широкой
И продовольствием простым:
Блестит солнышко — далеко!

Тут речь уныла прервана
Готовой кашею простой;

Они в кружок; шумит страна;
Уселись на траве густой.
Луна из облак выплывает,
Спокойный табор озаряет,
И светлых звезд — не миллион —
На них глядит со всех сторон.

Уныние

(Редакция стихотворения «Плач»)

На что мне, боже сильный,
Дал жизнь и бытие,
Когда в стране изгнанья
Прямого счастья нет?
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят,
И серые туманы
Скрывают солнца свет?
Я мнил, что в мире люди
Как ангелы живут
И дружбою прямою
Крепят сердец союз;
Я мнил, что в сердце, в мыслях
Один у них закон:
К тебе, отец небесный,
Любовью пламенеть
И ближним неимущим
С веселием души,
Чем можешь, чем богат,
При крайности помочь.
Но нет, — не то мне опыт
В стране сей показал:
Все люди, будто звери,
Друг друга не щадят,
Друг друга уязвляют
Нетрепетной рукой!..
Надменность, гордость, слава —
Молебный их кумир,
Сокровища ж и злато —
Владыка их и бог!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродетель

Чужда понятью их.
И ты, отец небесный,
Создавший сих людей,
Не перестаёшь с улыбкой
Щедроты лить на них!..
Итак, внемли ж молитву
Мою, всезрящий царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытие
И в мир иной, чудесный
Пересели мой дух.

На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу

(Редакция стихотворения «На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу»)

Бывало, я в бурю,
В осеннюю ночь
Один среди поля —
Как сродник в гостях,
А нынче, а нынче
Едва я узрел
Знакомые церкви
Сияющий крест,
Вдруг чем-то, не знаю,
Сдавилась грудь
И в трепетном сердце
То пламень, то дрожь.
О чём же, о чём же
Пророчит душа?
Ах, это не просто,
Нет, это не так!
Домой подъезжая,
Я в думах судил...
Надвинувши шляпу,
Нагайкой махнул,
И конь мой спустился,
Как быстрый сайгак.
Вот прибыл — и вижу:
Родная семья
По-прежнему в тихом
Весельи. Но где
Мой благодетель,
Бесценный мой друг?
Он отбыл-надолго
В далёки края.
Недаром же конь мой
Споткнулся не раз,

Недаром же сердце
Вещало печаль...
Но долго ли в чуже
Ты будешь гостить?
Когда возвратишься
В родную страну?
Дождусь ли в уныньи
Тебя я назад?
Не знаю... Но верю,
И там меж чужих
Друзей не забудешь
Ты вечно своих.
Но может... Кто знает...
Боюсь говорить...
Небесная сила,
Помилуй, спаси!

Грусть

Мне ль, несчастному, ласкаться,
С хладным сердцем мне ль любить,
Мне ль мечтами восхищаться, —
Милый друг в могиле спит.

Терем

Раз я летом сшёлся с ней:
Полюбил с тех пор душой,
Но она ещё не знает,
Как любовь в душе пылает.

И узнает, да не я
Буду суженым ея:
Тот богатый; я ж без хаты,
Целый мир мои палаты!

Сердце-вещун мне твердит:
Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
Одиноким сиротою...

Люди добрые, скажите

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где он, жив ли, вы молчите!
Иль сказать мне не хотите?

За далёкими горами
Иль за рощею дремучей,
За степями ль, за горами —
Иль меж чуждыми людьми.

Средь мирской ли непогоды
Он живёт один, тоскуя?
Без неволи, без свободы
В наслажденьях тратит годы.

Вспоминает ли порою
Ту, которую он любит,
Иль забыл меня; с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья
И неверная чужбина
Без рыданий схоронила.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Верен, жив ли, вы молчите!
Где?.. сказать мне не хотите?

Долго ль, долго ль, друг любезный,
Быть ещё с тобой в разлуке,
Брось чужбину и в край прежний
Возвратись к подруге нежной.

Нам тогда с тобою ярче,
Милый, солнышко засветит,
И луна взойдёт пышнее,
Звёзды мутные светлее.

Приветствие брату

Тебе, мой брат новорождённый,
С улыбкой строю лирный глас,
С тобой, малютка мой любезный,
Для всех блеснул веселья час.
Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом вышнего творца,
На груди маменьки родимой,
В объятьях женского отца.
Будь добр, чувствителен душою,
Велик и знатен простотою;
Когда же опытной ногою
На сцену света ты взойдёшь,
Любимцем ли слепой фортуны
Или, как я, полюбишь струны? —
Иль посох бедный понесёшь?
В чинах, советую, пред бедным
Богатством, славой не гордись,
Но с ним что есть (чем бог послал) последним,
Как с братом родным, поделись.
Когда ж, униженный судьбою (унижен будучи судьбою),
Ты будешь с посохом одним
(Довольствуйся куском одним),
Будь терпелив и твёрд душою
И в горе, с детской простотою,
Пой песни бедствиям своим,
Пой песни, скуку разгоняя,
Добро и мудрость прославляя,
Люби творца, своих владык
И будь в ничтожестве велик.

Посвящение Дмитрию Антоновичу Кашкину

Тебе — бесценный, милый друг —
Я посвящаю свой досуг!
Но признаюсь: в нём ум твой строгий
Найдёт ошибок много, много;
Здесь каждый стих — чай, грешный бред;
Зато — я сам собой поэт!..
Итак!.. Щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки,
Когда б мне время, должность, чин!
Когда б, примерно, господин
Я был такой... чтоб только с трубкой
Сидеть беспечно и дремать;
Пить кофе, водку, есть и спать, —
Тогда?.. Поверь, мой друг... не шуткой
Я б вышел в люди, в свет.
Быть может, был бы я поэт,
Быть может, гений... но довольно —
Смолчу покамест, только, друг,
Жить в неизвестности мне больно,
Я чувствую, какой-то дух
Владеет мною не напрасно.
Недаром я люблю так сладострастно
Уединенье и мечты.

Разуверение

Сквозь тучи чёрные сияла
Когда-то мне моя звезда!
Когда-то юность уверяла:
С тобой не встретится беда.
Когда-то, полный упований,
Я, помню в жизни ликовал;
Не жаждал многих я стяжаний,
Но точно счастье вкушал.
Но точно им я наслаждаюсь,
Как цвет между цветов родных,
Я жил, любовью упиваясь
В толпе красавиц молодых.
И как на лоне сладострастья
Часы мгновенные текли!
И как богини самовластья
К мечтам прелестнейшим влекли.
Ко всем беспечный, откровенный,
Всегда незнаньем обольщённый,
Любил родных, любил друзей
И был дитя между детей!..
Но всё прошло и миновалось!
Исчезнул сон: моим очам,
Моим разрушенным мечтам
Совсем иное показалось.
И сердце юное спозналось
С угрюмой опытностью той,
Что всех знакомит нас с тоской...
Открылась новая дорога
Разочарованный глазам,
И жизни новая тревога
Насильно повлекла к бедам!
Напрасно с мудростью надменной
Я им хотел противустать,
Напрасно я в душе смиренной

Их мнил слезами отогнать;
Напрасно в каменных людях
Искал защиты и спасенья, —
Сердца их — сталь, а грудь в бронях, —
Не им внимать мои моленья;
Презренны просьба и мольба!
Ах, где ж искать защиты мне
В неуловимой стороне,
Когда и люди и судьба
Вдвойне хотят меня карать!
Так буду ль жить когда в покое?

.....

Знать, так и быть, там в далеке
Забуду их я в уголке,
Забуду счастье бывшее
И буду ей завет хранить:
Что было, будет — всё сносить!

Встреча с опытом

Дитя беспечный и свободный,
С улыбкой кроткой, благородной,
С живой и пламенной душой,
Пленялся жизнью земной
И, доли приторной людской
В мечтах завидовать дерзая,
Добро и зло благословляя,
Я в мире всё благословлял!
Но я младенец был, не знал
Измен непостоянных счастья
И смутных перемен ненастья.

Умолкли грешные порывы
И буйство грешное страстей,
Как молкнет ручеёк игривый
В оковах льдяных хрусталей.

Послание С... З...

Когда в груди твоей булатной
Хранится вместо сердца лёд,
Когда в нём искры чувства нет,
Когда душе твоей приятно
Так жалко надо мной шутить,
Так много равнодушной быть, —
То не скажи улыбкой страстной,
Не мучь надеждою напрасной
И чувств моих не горячи:
Прошу, молю! при мне молчи;
Будь больше мною недовольна,
Будь больше, больше хладнокровна;
Прошу! так нежно не гляди,
Со мной речей не заводи;
В беседах с злобою немою,
Как недруга пренебрегай,
Меня порочь, меня ругай.
И ты холодностью такую
Меня, быть может, охладишь
И все надежды истребишь.

Совет

Наслаждайтесь, юноши,
Упивайтесь жизнью,
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности.
Много ль раз роскошная
В год весна является?
Много ль раз долинушку
Убирает зелью?
Не одно ль мгновение
Как весне — и юности?
Счастлив, кто с подругою
Вдоволь погостил у ней.
Счастлив, кто и лишний час
Провёл в полной радости.
Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнью.
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности.
Редко светит на небе
Солнушко без облаков,
Реже после юности
Дни бывают веселы,
Скучно жизнью старческой,
Скучно, други, в мире жить,
Грустно и средь пиршества
О могиле взгадывать
И с седою мудростью
К ней, морощась, двигаться.

Любовь души

(Редакция стихотворения «Первая любовь»)

Сулю ему я розы, рай,
Красы заоблачного края, —
И, к ним любовью сгорая,
Лишь их желал бы я любить.

Знать, то, что в юности любил я в первый раз,
Вовек не разлюбить душою.

21 августа 1830

Сельская пирушка

(Редакция стихотворения «Сельская пирушка»)

Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку:
«Каков впредки господь
Хлеб уродит нам?
Как зимой о святках
Долго иней был;
Уберутся ль в степи
Сена зелены», —
Говорил Пантелей
Святу Якову.
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Притихнул говор, шум
В темной горенке;
На дворе же саней
Въезжих не было,
От ворот тесовых
След яснее.

21 сентября 1830

Послание к...

(Редакция стихотворения «Мой друг, мой ангел милый...»,
«Листок»)

Мой друг, мой ангел милый,
Тебя ль я в тишине унылой
Так страстно, пламенно лобзал,
С таким восторгом руку жал?
Иль был то сон, иль в исступленьи
Я обнимал одну мечту,
В жару сердечного забвенья
В своей душе рисуя красоту?
Твой вид, твой взор смущенный,
Твой пламенный, горячий поцелуй
Так упоительны душе влюбленной,
Как изнуренному кристалл холодных струй.
Ах! миг один я был с тобою —
И миг с тобой я счастлив был;
И этот миг с твоею красотой
Навек я в сердце затаил...
Тобой любимым быть — прекрасно;
Прекрасней же — тебя любить;
Что муки мне? Душою страстной
О милой мило мне грустить,
С тобою чувствами меняться
И на приветливый твой взгляд
Ответным взором отвечать;
С тобою плакать, забываться —
Прекрасно милая моя!
Счастлив, счастлив тобою я!..
Пускай, пускай огнем тяжелым
Лежит в груди моей любовь;
Пусть сердце с чувством онемелым
Мою иссушит кровь, —
Как ворона о смерти предвещанье,
Она не возмутит мне грудь:

Любви мне сладостно страданье,
Мне сладко о тебе вздохнуть!
Пусть безнадежна страсть моя;
Пусть гроб — любви моей награда!
Но, милый друг мой! за тебя
Снесу я муку ада.
Что до меня?.. лишь ты спокойна будь
И горе забывать старайся;
Живи и жизнью наслаждайся —
И бедного страдальца не забудь...

Поэт и няня

(Редакция стихотворения «Поэт и няня»)

Не прельстит меня природа,
С скукой смолвится свобода,
Улетит от ложа сон,
Иль взволнует сердце он.

Молодая жница

(Редакция стихотворения «Молодая жница»)

Рано в белый день
Вышло солнышко,
Горячо печет
Землю-матушку.

Что-то грустное мне
Одной на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло меня
Поле жаркое,
Горит гормя всё
Лицо белое.

Как седой туман,
Коса — на землю,
Пала на сердце
Грусть тяжелая.

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Не играешь ты
Красным солнушком?

Не блистаешь ты
Чистым золотом,
Иглой аглицкой
Не щетинишься?

Отчего, скажи,
Почернел ты весь,
Что коса моя,

В один жаркий день
Изогнулся ты?

Али солнушко
Горячей огня
Разожгло тебя
И расправило?

Али милый друг
На чужой степи
Косой вострою
Вырыл гроб себе?

С Дона тихова
Не воротится,
С края дальнева
Не придет ко мне?

Часто матушка
Замечала мне:
«Когда выглянет
Солнце из тучи, —

То за ним как раз
Либо буре быть,
Либо дождичку
Целый день иттить».

Иль ко мне, молодой,
Как к земле сырой,
Того жди, придет
Непогодушка?

Умолкший поэт

(Редакция стихотворения «Умолкший поэт»)

Тебе уступил
Раб случая? — Да,
Жди, будет от скуки
Он брататься с чернью
И тешить ее!
Жди этого, жди!
Тебе незаметна
Высокая дума,
Огонь благодатный
Во взоре его...

Могила

(Редакция стихотворения «Могила»)

После 36

Заветные думы,
Смутные мечты,
Свяжите тот ветер!
Окуйте неволей
Тревожную душу!
Напрасно! Блуждая
По долам и горам, —
Она в поднебесье
От уз улетит...

Не так ли, младенец,
Свободную мыслью
Уходишь ты в небо,
Родное тебе.

Цветок

(Редакция стихотворения «Цветок»)

4-22

Чудесный, милый! Красотой —
Как ты цветешь, как ты алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то неземным!
Но для кого — в степи широкой?..
Конечно, девам молодым
Здесь не найти тебя далеко;
Быть может, мой же конь ногой
Потопчет здесь тебя с травой!
И я, с душою нежной, страстной,
Сюда, вздыхая о прекрасной,
В прохладе утренней приду —
И уж тебя здесь не найду.
О дева, цвет моей души;
Так безмятежна ты в тиши
Растешь, цветешь красой небесной,
Но, милый друг, мой друг прелестный,
Я ль, с верной, пламенной душой,
Путь жизни разделю с тобой?..

21 декабря 1829

Ах, зачем меня...

(Редакция русской песни «Ах, зачем меня...»)

9-16

Хорошо глядеть
На цветистый сад,
Хорошо гулять
Летом по полю;
Каково ж смотреть
На немилова,
Целый век с ним жить,
Мукой мучиться?

5 апреля 1838

Примирение

(Редакция стихотворения «Примирение»)

11-17

На смертный бой судьбу я вызвал,
Против гиганта грудью стал.
Схватил его в объятьях мощных,
И этот страшный призрак
Упал, — и все кругом меня
Склонилось безмолвно ниц
А я стоял, смотрел на небо.

Что ты спишь, мужичок?

(Редакция стихотворения «Что ты спишь, мужичок?»)

21-28

Что ты спишь, мужичок?
Что ты дурь напустил?
Чем твой век вековать,
Знать, совсем позабыл.
Или руки твои
Работать не могут?
Иль в пустой голове
Нет ума ни на грош?

25 сентября 1839

Греет солнышко...

(Редакция песни «Греет солнышко...»)

25-32

И пришла она
К седым кудрям,
А седым кудрям
Что надобно?
Меж людей сижу
(На добро гляжу),
Друзей ищу,
По людям хожу,
Душой грущу.

12 февраля 1840

Так и рвется душа...

(Редакция русской песни «Так и рвется душа...»)

После 16

То ли дело — по нем
В хороводе грустить,
То ли дело — душой
Мила друга любить.

1 апреля 1840

Ночь

(Редакция стихотворения «Ночь», «Так и рвется душа...»)

Из пригорка дуб он схватил рукой,
Бросил вверх его —
Словно прут какой.

Сам не помню, что
Мне старик сказал.
Только долго труп
Я в ногах топтал.

Ее нет давно...
И мой кончен путь...
Но ее слова
Все с ума нейдут:

«Не любила я старика душой...
Но мне стало жаль
Головы седой.

Прости ж, мирный сон,
Прости, старый муж!..
Прежде всех прощай
Ты, мой милый друг!

На полу один
Он убит лежит,
За тобой — другой
Весь в крови стоит...»

11 декабря 1840

Не весна тогда...

(Редакция русской песни «Не весна тогда...»)

Но и где ж они —
Вьюги, ночи, сны?
Иль в другой — с тобой
Не придут они?

Не придут — придут, —
Но я помню их...
Та пора с души,
Из ума нейдет.

Как тогда теперь
На меня всю ночь
Ты сидишь — глядишь,
Глаз не сводючи.

2 мая 1841